

О . З О Б Н И Н

Зовутки

ДЕТГИЗ

Цена 28 коп.

О . З О Б Н И Н

Завутки

Р А С К А З Ы

Рисунки А. Парамонова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

Дорогие ребята!

В книге «Зовутки» вы прочтёте рассказы о самых различных ребячьих делах и проделках: например, о братьях Косте и Флорике, которые, помогая бабушке, вырастили огромную тыкву; или о том, как Родька, почти не умеющий плавать, неожиданно для себя переплыл довольно широкую речку; а вот из рассказа «Яблоки» вы узнаете о маленькой хозяйшке Варьке, которая всё умела делать по дому — и готовить, и стирать, и мыть, а справиться со своими озорными братишками никак не могла.

В сборнике вы найдёте и знакомые вам рассказы — они взяты из ранее выходивших книг автора «Неразлучные друзья» и «Белохвостик».

Напишите нам, понравились ли вам рассказы, какие чувства и мысли они вызвали у вас. Свои отзывы присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги,

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Волику всё ещё никак не верилось, что он едет к папе один. В ушах стоял шум долгих домашних споров: можно ли его отправить одного или нет... Папа написал: «Можно, отправляйте», а мама и бабушка схватились за голову!

— Одного? Ребёнка в такую даль?.. Ни за какие денежки!

Конечно, Волик для мамы и бабушки всё ещё ребёнок. А то, что Волик перешёл в четвёртый класс и ему уже стукнуло десять лет, их не касается. Но потом маму всё-таки коснулось, мама перестала хвататься за голову и сказала:

— Пусть едет! Не пропадёт. Кругом люди.

А что ей оставалось делать?.. Самой поехать

нельзя: работает; бабка в такой дальний путь не годится: растрясёт её — не соберёшь.

— Как знаешь, — отступилась и бабка. — Отправляй! Поди и правда, мир не без добрых людей — помогут!

— А мне и помогать не надо, я и так, без добрых людей, доберусь, — сказал Волик.

И вот Волик вторые сутки катил в поезде, подъезжал к папиной станции, и ничего с ним не случилось. И никаких добрых людей не видел.

Вот если добрым человеком считать соседку по вагону — толстую краснощёкую старушку — бабу Феню, которая всю дорогу гоняла его от окна и без конца заставляла мыть руки, так такая доброта ему не больно нужна.

И Волик с удовольствием распротился с бабой Феней, когда поезд подошёл к папиной станции.

А станция оказалась совсем не такой, какой он её представлял дома. Вокзал — старый пассажирский вагон, поставленный на пригорок около самой линии; водокачка — железный бак на столбах; вместо города — улочка, а дальше — стена леса. Это потому, что станцию только начали строить.

Волик достал из кармана листок из тетрадки — мамин путеводитель, в котором всё было расписано, как по нотам, постоял, отправился на автобусную остановку.

«Вот и приехал, ещё немного прокатиться на автобусе, и увижу папу. Напрасно мама с бабушкой волновались».

На остановке толпились пассажиры. Волик занял очередь за женщиной в сером дождевике, присел на чемодан. Женщина подозрительно осмотрела его, спросила:

— Никак, сударик, один едешь?

— Один! — ответил Волик и, забрав чемодан, отошёл в сторону.

Ещё добрый человек выискался. И чем он только их привлекает? Волик остановился, заглянул в лужу. Ничего подозрительного: всё, как у людей...

За дощатым забором, вдоль дороги, пыхтя и лязгая шатунами, моталась «кукушка». Чёрная труба «кукушки» торчала над забором, как голенище старого сапога.

Волик присел на траву и заглянул в щёлку. Около низких, приземистых сараев тянулись рельсы, блестя на солнце как шёлковые ниточки. Откуда-то с другого конца склада то и дело вылетали «МАЗы» и, рыча моторами, уносились по дороге в тайгу.

К остановке подошёл красный автобус, покрытый толстым слоем дорожной пыли, и началась посадка.

— Сынок, иди, милый, садись! — крикнула женщина в дождевике.

— Торопись! — подтолкнул Волика в спину высокий большеголовый парень в малюсенькой кепке. — В совхоз правишь?

— На ГЭС! — весело сказал Волик. — К папе!

— Постой!.. На ГЭС, паря, не сюда.

— Господи! — всплеснула руками женщина. — Чуяло моё сердце — заблудился! Да веди ты его, милый, на гэсовский автобус — опоздает!

Парень взял из рук Волика чемодан, поспешил в конец улицы, где на небольшой, утыканной свежими пнями площадке стоял голубой автобус.

Едва подбежали, автобус тронулся, качнулся в канаве и, пуская жидкий голубой дымок, скрылся за поворотом.

— Всё, паря! — бросил парень под ноги чемодан. — Другой только завтра.

От обиды Волик чуть не заплакал.

Из ворот склада с шумом выкатил «МАЗ» и, важно переваливаясь с боку на бок, поплыл к дороге. Парень, взмахнув чемоданом, кинулся наперерез:

— Стой, шофёр, стой!

Оказалось, что «МАЗ» не гэсовский и шёл только до первого поворота.

— Всё равно... Тогда хоть автобус догони! — наседал парень. — Малого вот посадишь.

Секунда — и он втолкнул Волика в кабину.

«МАЗ» ревел, дорога стремительно неслась под колёса. Шофёр в кепке назад козырьком почти лежал на руле. Волик, качнувшись в мягком сиденье, посмотрел в окошко.

Тайга! Огромные кедры, словно сторожа-великаны, до верхушек которых не дотянешься даже глазами, подходили к самой дороге. За кедрями прятались хмурые ели, устало опустив тяжёлые ветви-лапы. Кое-где, как искорки в заглушем ночном костре, вспыхивали конопатые берёзки.

— Что один? Не встретил никто? — спросил шофёр.

— Сам доберусь, — важно ответил Волик. — Мама велела, как приеду, со станции папе позвонить, а я не стал...

— Ишь ты, самостоятельный, не хочешь, значит, отца беспокоить. Кто отец-то?

— Папа?.. Бригадир-бетонщик!

— Первушин Иван Григорьевич! — оживился шофёр. — Так бы и говорил!

— А вы разве знаете моего папу?

— Знакомы... как же... Его тут все знают, хороший человек!

Волику стало приятно, что его папу похвалили, и он сказал:

— У меня и мама хорошая... и бабушка!

За поворотом дороги показался голубой автобус.

Шофёр сдвинул фуражку на затылок, ещё больше навалился на руль и пошёл на обгон.

— Чего тебе? — высунулся из кабины автобуса водитель.

— Стой, браток! Забери вот пассажира. Ваш, гэсовский!

Автобус остановился.

— Привет папаше, сынок, от Зубкова! Слышь? — сказал шофёр.

— Ладно, спасибо!

Волик втиснулся в переполненный автобус, ухватился за стойку. Теснота — не повернёшься. В бок давил чей-то фанерный чемодан. Упёрся обеими руками, но чемодан надавил ещё больше. В глазах забегали тёмные пятна, закружилась голова. Сейчас упадёт...

— Задавите парня-то! — крикнула женщина в белом платке и потянула фанерный чемодан. — Проходи, мальчик... На детские, — сказала она. — Граждане, уступите детское место!..

Волик упирался, но его протолкали вперёд, посадили на детское место.

— Ну, вот и хорошо, — сказала женщина в белом платке. — Сиди, мальчик!

Место и правда было хорошее: около самого водителя. Можно было рассмотреть все рычажки и стрелки в кабине. Волик смотрел в окошко.

Дорога то карабкалась в гору по самой кромке обрыва, то падала вниз, прижимаясь к отвесным скалам. Со всех сторон, словно перевёрнутые печные горшки, стояли сопки. Всё это Волику было как-то непривычно. Тревожило его и радовало.

Вдруг, взвизгнув тормозами, автобус остановил-

ся. На дороге завал: свалилась огромная глыба глины.

Пассажиры быстро повыскакивали и, вооружившись лопатами, которые достал из кабины водитель, начали расчистку.

— Поберегись! — крикнул водитель и, навалившись широкой спиной на огромный кусок глины, столкнул в пропасть.

Волик тоже вышел из автобуса и стал сбрасывать камни.

Когда дорогу расчистили, водитель сел за руль и крикнул:

— Получше укладывайте вещи: дорога пойдёт шатай-болтай.

Волик подпрыгивал, стараясь удержаться за спинку сиденья.

В зеркальце кабины мелькало сосредоточенное лицо водителя.

Дорога чуть отошла от гор, и в автобусе стало светлее.

— Вот и ГЭС! — сказала женщина в белом платке.

Волик прилип к окну. Внизу блеснула широкая река. Там, где к берегам вплотную подходили горы, её пересекала высокая бетонная плотина. Наверху, как огромные жирафы, стояли подъёмные краны. Если приглядеться, то краны и впрямь как жирафы ходили, поднимали и опускали головы.

Автобус катил — только держись: по кузову, как град, колотили камни.

Перед небольшим мостиком водитель притормозил. Слева пошёл крутой обрыв, справа стена скал. Все притихли, словно чего-то ожидая.

Волик вдруг почувствовал, как автобус слегка качнулся и пополз боком. В ту же секунду взвизгну-

ли тормоза, распахнулись дверцы, и пассажиры высыпали на дорогу.

Автобус сползал к обрыву.

— Держи!

— Подставляй упоры!

— Упоры! — кричали на разные голоса.

Одни бросились подкладывать под колёса камни, другие — устанавливать подпорки, третьи сдерживали автобус на плечах.

Когда автобус откатили на середину дороги, Волик заглянул в обрыв. Пропась! Если бы свалились — не собрать косточек.

Вскоре они выехали из тайги и через полчаса остановились около высокого крана-жирафа.

— Вот и приехали! — сказала женщина в белом платке. — ГЭС!

«Вот и всё! Без всяких добрых людей добрался!» — подумал Волик, взял чемодан и вышел из автобуса.

Сейчас он найдёт папу.

ТЫКВА

Костя, Флорик и бабка работали в огороде. Бабка делала лунки, а Костя и Флорик набивали их чернозёмом.

Когда лунки были готовы, они развернули мокрую тряпицу с белыми семенами-таракашками, и работа пошла ещё жарче.

Бабка сажала семена, а Костя и Флорик поливали. Одну лунку Костя польёт, другую — Флорик, Костя — Флорик. Работали дружно.

— Молодцы, огородники! — похвалила бабка и вручила каждому по большому таракашке. Косте — таракашку, Флорику — таракашку. — Посадите, вырастет тыква!

Засучив рукава, принялись за работу.

Ещё бы! Костя и Флорик хорошо знали вкус тыквенной каши, которую бабка не раз варила зимой. А чего стоят жареные семечки!

Флорик посадил тыкву у старой, заброшенной бани, на крыше которой росли огромные лопухи, а Костя подальше — у самого плетня. Посадили и ждут.

— А у меня больше тыква вырастет, — сказал Костя.

— Нет, у меня больше! — ответил Флорик.

День прошёл, другой, третий. Не торопится тыква, не растёт. Огурцы давно повыскакивали из лунок, выстроились, как солдатики, в длинную зелёную цепочку, а тыква всё не показывается.

Но вот показалась и тыква!

И на грядке Флорика тыква, и на Костиной грядке тыква. Стоят тонюсенькие стебельки-ножки с маленькими, вытянутыми, как лодочки, листочками.

— А у меня лодочка! — сказал Костя.

— И у меня лодочка! — ответил Флорик.

На другой день выросло ещё по одной лодочке. А потом пошло, только поспевай, посматривай, что ни день — чудо!

К лодочкам прибавились широкие пятипалые листья, покрытые колючим-преколючим пушком.

Ещё пятипалые!

Костя и Флорик от радости прыгали, плясали.

— Не топчитесь без дела! — прикрикнула бабка. — Принимайтесь лучше за работу, ухаживайте!

И огородники принялись ухаживать.

Пропололи грядки так, что не увидишь травинки, взрыхлили землю — мягче подушки. Вечерами стали поливать. И пошла расти тыква, как тесто у бабки на печке.

Разбежались в разные стороны стебельки-плети.

Всё перемешалось: плеть от тыквы, плеть огуречная. Бабка ходит вдоль грядки, подправляет листочки, усики да приговаривает:

Огуречик, огуречик,
Не ходи на тот конечик,
Там девки идут,
Тебе ножку отшибут.

А как-то утром на грядке вспыхнули жёлтые огоньки. Горят словно факелы, переливаются: расцвела тыква!

Тут уж огородники совсем разохотились: работают, стараются.

На грядках под каждым цветочком тыковки с горошинку завязались. Растут-наливаются, спеют.

А у Кости в борозде такая вымахала — поискать, похжей не сыщешь. Всех обошла. И с виду приглядная — полосатка! Полоса жёлтая, полоса зелёная.

— Молодец, Костя! — говорит бабка. — Добрую тыкву вырастил!

— А я не растил, она сама выросла, — засмеялся Костя и стал реже ходить в огород.

Флорик — поливать, а он — на речку купаться. От жары листья на тыкве вянуть начали, а Костиной полосатке хоть бы что: не ест, не пьёт — растёт! Флорик трудится, старается, так не получается.

— Старайся, — говорит бабка, — пуще, и у тебя вырастет. Доброе дело зря не пропадёт!

А уж какой там не пропадёт: как ни старайся, за полосаткой не угонишься. Разрослась тыква Флорика во весь огород — одна плеть к городьбе убежала, другая в крапиву за баней спряталась, а всё равно такой полосатки нет.

— Старалка — дубовая палка! — смеялся над ним Костя и совсем перестал заглядывать в огород.

А полосатка без обеда, без ужина растёт, не тужит. Так и не сравнялась тыковка Флорика с Костиной полосаткой. Разрослась полосатка во всю борозду, будто поросёнок лежит.

Вскоре пришла и осень.

Почернели от заморозков листья. Бабка собрала последние огурцы. В огороде осталась капуста да тыква.

Но вот подоспела пора и тыкве.

Костя пляшет, посмеивается:

— Старалка — дубовая палка!..

Вооружился он острым косарём и пошёл рубить полосатку. Только замахнулся, а из-за плетня сосед дядя Федя.

— погоди, — говорит, — Костя, рубить, это, видеть, моя плутовка к вам забралась. — И, приминя сапогами крапиву, пошёл по стеблю, который тянулся из-под плетня. Так и есть! Стебель подошёл к самой Костиной полосатке.

— Вот тебе и плутовка — куда забралась! — всплеснула руками бабка.

Костя нахмурился, стоит, словно воды в рот набрал.

Дядя Федя перерубил плеть, взвалил полосатку на плечо и пошёл. Но у плетня он вдруг остановился и крикнул:

— А вот и ваша плутовка!

Костя и Флорик бросились к нему. Под плетнём, в густых зарослях крапивы, укрываясь широкими листьями лопухов, лежала огромная тыквища.

— Моя! — закричал Костя и ухватился за тыкву.

— Нет! — говорит бабка. — Надо посмотреть чья! — И пошла пробираться по стеблю.

Конечно, Костина тыква: плеть тянется прямо к его грядке.

— Говорил, моя! — пуще прежнего закричал Костя и побежал вперёд.

Но не тут-то было! Плеть, обогнув грядку, пошла дальше.

Это уж совсем непонятно. Куда же она?! Не к Флорику ли на грядку?! Так и есть, к Флорику! Не помня себя от радости, прыгая через крапиву, Флорик кинулся к своей тыкве. Но плеть проползла по борозде, спряталась в крапиву, свернула к бане и по углу вскарабкалась наверх.

Ну и чудеса!

Флорик залез на крышу, раздвинул лопухи и закричал сколько было силы:

— Бабушка, тыква! Тыквища!..

Дядя Федя помог снять тыкву с крыши, положил её в борозду.

Куда там дяди Фединой полосатке! Такой тыквы ни Флорик, ни дядя Федя, ни бабушка в жизни не видели. С места не стронешь.

— Всем тыквам тыква! — заключил дядя Федя.

— Вот и вышло, что не пропало твоё доброе дело, — сказала бабка. — Будет теперь каши на всю зиму. Ешь — не хочу!

А Костя стоял в сторонке и только хлопал глазами: бедняга обшарил всю свою грядку, но нашёл только одну заморённую тыковку величиной с собственный кулак.

МОРДАШКА

Таня, размахивая портфелем, шла по тропинке в школу. Жила Таня под Москвой на железнодорожном разъезде, потому что папа был путеобходчик, а училась в дачном посёлке.

Тропинка сначала пробежала по лужку, потом упала в овраг, к речке. Таня покачалась на пружинистых жёрдочках мостика, поднялась в горку, утыканную густыми пушистыми ёлками. Ёлки подступали к самой тропинке и всё время хватали Таню за платье. Острые к верхушкам, они похожи были на перевёрнутые кульки, в которых продают конфеты.

Тане было весело, и она, отмахиваясь от ёлок-хваталок, запела:

Ёлки-палки,
Палки-ёлки
Не булавки,
Не иголки.
Вы хваталки,
Дураки,
Да с конфетами кульки.

Ой! — вскрикнула Таня.

Из-за ёлки вышел лосёнок и загородил дорогу. Нескладный, на длинных тонких ногах... Мордочка как валенок.

Таня шагнула вправо, и лосёнок — вправо, Таня — влево, и лосёнок — влево.

— Ну чего тебе, мордашка? — сказала Таня.

Лосёнок потянулся к ней мордочкой и ткнул мокрым носом в руку.

— А-а... знаю! — сказала Таня. — Ты хочешь есть!

«Ага, хочу! — покачал головой лосёнок и обнюхал портфель. — Тут что-то есть. Угости!»

— Хитрый, это мой завтрак, — сказала Таня. — Ешь вон свою ёлку-палку, траву-мочалку.

Но лосёнок снова постучался носом в портфель: «Открой, не жадничай!»

— Ладно уж, так и быть! — сказала Таня, присела на корточки и достала булку с котлеткой в середине. — Тебе с котлеткой или без?..

«С котлеткой», — сказал лосёнок, качнув головой.

— Тогда пополам. — Таня разломилла котлетку на две половины. Одну — Мордашке, другую — себе.

Лосёнок съел свою порцию, ударил копытцами, обежал вокруг ёлки и опять остановился перед Таней.

«Вкусно! Дай ещё!»

— Хватит, больше нету, ешь вон свою ёлку-палку,

траву-мочалку! — сказала Таня. — До свидания! — Она помахала ему на прощание рукой и убежала.

В школе Таня рассказала о своём новом знакомстве Шура, соседке.

— Ты смотри, осторожно! — сказала Шура. — Лосёнок может забодать. Одна не ходи.

— Что ты! — засмеялась Таня. — Он такой хорошенький-прехорошенький!.. А нос мокрый.

На другой день Таня и Шура пошли в школу вместе. Перебежали лужок, спустились к речке, покачались на мостике, поднялись в горку.

Оп!.. И из-за ёлки вышел лосёнок. Нескладный, на длинных ногах, мордочка как валенок.

— Здравствуй, Мордашка! — сказала Таня. — А это моя подружка Шура, познакомься!

Мордашка познакомился: ткнул мокрым носом в Шурину руку.

— Опять есть хочешь? — сказала Таня, открыла портфель и протянула лосёнку кусок пирога. — Сегодня вкусненькое!

Лосёнок съел пирог, потянулся к Шуриному портфелю.

Шура отскочила, спрятала портфель за спину.

— Не жадничай, дай! — сказала Таня.

Шура открыла портфель и бросила лосёнку кусок хлеба.

— Ты не бойся, — сказала Таня, — он не кусается, слушается меня. Смотри! — И Таня, обняв Мордашку за шею, подпрыгнула, хотела сесть на него верхом. Но лосёнок брыкнул ногами, и она упала.

— Ага! — сказала Шура. — Получила?

— А мне не больно, не больно! Ты виновата, ты под руку говоришь. Трусиха!

— Нет, я не трусиха, я только осторожная... Лосёнок может забодать.

— Нет, не может, он маленький..

— А у него мама есть. Подумает, что ты его обижаешь, и как даст тебе копытом!

— Не даст! Ты дура!

— Сама дура!

Таня взяла портфель и пошла на тропинку. Шура за ней.

— Не ходи за мной, мы с тобой поругались, — сказала Таня.

— Я не с тобой иду, а с собой, — ответила Шура. На другой день Таня отправилась в школу одна.

— Подожди Шуру! — крикнула ей вслед мама.

Но Таня не стала ждать: она ведь с Шурой поругалась.

Таня перебежала лужок, спустилась к речке, покачалась на мостике, поднялась в горку.

На тропинке Мордашка.

Мордашка ткнулся носом в портфель: «Давай скорее завтракать. Я хочу есть!»

— Не дам, ты нехороший, — сказала Таня.

«Нет, дай!» — не уходил Мордашка с дороги.

— Не дам! Пусти меня! — Таня шагнула вправо, и Мордашка — вправо, Таня — влево, и Мордашка — влево. — Всё равно не дам! — рассердилась Таня. — Ешь свою ёлку-палку, траву-мочалку! — Она прыгнула в сторону, но Мордашка вдруг мотнул головой, сбил Таню с ног и покатил по траве. Таня хотела вскрикнуть, вскочить, но не могла. Всё закружилось колесом — земля, ёлки, небо..

* * *

Таня открыла глаза и увидела Шуру. Шура большой палкой отогнала лосёнка.

— Больно? — спросила Шура.

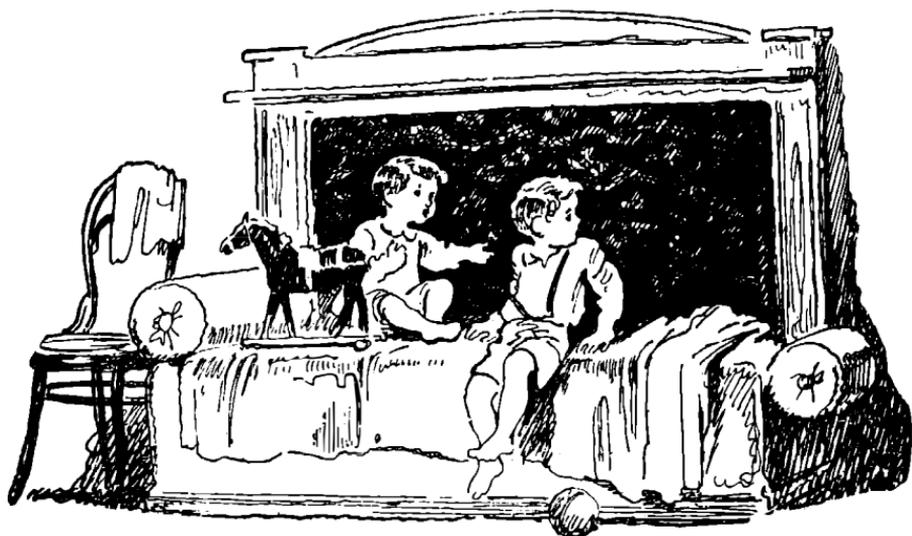
— Больно... — простонала Таня и чуть не заплакала. — А ты почему здесь? — спросила она. — Ведь мы с тобой поругались?

— Ты поругалась, а я не поругалась. Лосёнок бы тебя до смерти закатал, — сказала Шура.

— А я теперь одна не буду ходить, с тобой буду, — сказала Таня. — И ругаться не буду... Никогда-никогда!

— И я никогда-никогда! — сказала Шура и помогла Тане подняться.

ЯБЛОКИ

Варварка мыла полы, а Толик и Филиппок бежали по мокрому полу.

— Не бегать! — топнула на них Варварка и усадила на диван.

Но разве усидишь, если с буфета на тебя смотрит «Золотой ключик».

— Толи-и-к! — И по комнате полетел громкий шлепок.

Шлепок не беда!.. Зато у Толика в руках «Золотой ключик».

А у Филиппка нет «Золотого ключика». Филиппок скатился с дивана, побежал, но вместо конфетки получил шлепок! Пришлось просить у брата:

— Толик, дай «ключика»...

Толик разрешил откусить от «ключика», но чуть

было не поплатился всей конфеткой: она прилипла к зубам Филиппка и отодрать было не так-то просто.

Варварка, заткнув за пояс подол, точно так же, как это делала мама, шаркала пол берёзовым голиком: раз-два! Раз-два!..

Добрая мастерица Варварка, ловко у неё получается: пол блестит, как зеркало. А если бы Толик и Филиппок не мешали, ещё бы лучше блестел.

— То-олик! — снова крикнула Варварка.

— Жадная! — Толик возвратился на место. — Тогда давай Савраску!

Варварка сгребла в охапку игрушки, в том числе и коня с выданным хвостом — Савраску, и ссыпала на диван:

— Играйте!

— Дай дудку, я загужу! — объявил Филиппок и, получив рожок, загудел на всю комнату.

Но ведь гуди не гуди, а конфеты-то — на буфете... И Филиппок опять на полу.

«Ну что ты с ними будешь делать? — чуть не плакала Варварка. — Работать не дают!»

Она сняла со стены календарь и отдала братьям на растерзание.

«Выпроводить бы их на улицу... — подумала Варварка. — Да нет, мама запретила — Толику нездоровится».

Варварка быстро орудовала голиком: надо было поторапливаться, скоро вернётся с работы мама, а Варварке ещё нужно сходить на рынок за картошкой да луком.

И дело пошло к концу. Варварка вымыла порог, выжала тряпку, разогнула спину.

Ай да Варварка! Ай да хозяйка молодая! Хоть мама и не заставляла её мыть полы — вымыла: любит Варварка порадовать маму. Придёт мама с работы

усталая, увидит вымытые полы и улыбнётся, скажет: «Молодец!», а Варварку отпустит гулять.

— Ты куда? — кинулась Варварка за Филиппком, но шлепка не получилось: Филиппок успел сесть. — Я вот тебя мокрой тряпкой!

Она вдруг быстро расставила по стенке стулья, сдёрнула скатерть и посадила братьев на стол.

— ...ими-и! — взбунтовался Филиппок, хотел спуститься, но не достал ногами до пола.

Теперь Варварка может спокойно идти на рынок. Она переложила на стол игрушки, взяла авоську и пошла.

— Сидите, по яблоку принесу.

— Мне? — справился Толик.

— И мне? — спросил Филиппок.

— Всем! Сидите! — сказала Варварка и вылетела на улицу.

Сбежав с крыльца, она смела со ступенек грязь, поставила голик в сени и побежала.

Варварке хотелось прыгать, петь песни, и вдруг песня запелась сама собой:

Туки, туки,
Туки, тук!
Где картошка,
Там и лук.
Где картошка,
Там и лук.
Туки, туки,
Туки, тук!

Обжигая ноги о раскалённый на солнце асфальт, Варварка перебежала на тротуар, где, бросая тени, росли тополя, и побежала, прыгая с тени на тень.

Долго ли управиться на базаре. Варварка сделала нужные покупки и, размахивая полной авоськой, спешила домой.

Туки, туки,
Туки, тук!
Помидор, морковь,
Лук!
Помидор, морковь,
Лук!
Туки, туки,
Туки, тук!

Вот и дома!

Сейчас загудит гудок, мама придёт с работы, а у Варварки всё готово.

Варварка вспрыгнула на крыльцо, вошла в комнату и остановилась: по всему полу, как рельсы на железнодорожной станции, расходились черные полосы. Они перекрещивались, огибали стол, стулья и упирались в тупик у порога. Под порогом в гряде календарных листков лежал грязный голик.

— А мы не мусорили, мы только бумажки подмели, — сказал Толик. Он ловко сполз со стола на Савраску, спрыгнул на пол. — Принесла яблоко?

Варварка вдруг шлёпнулась на порог и, обхватив руками лицо, громко заплакала.

Из авоськи выглядывали два краснобоких яблока,

МОРКОВКА-БЕСТОЛКОВКА

Посадил Никишка с бабушкой грядку морковки — и ну бегаты! Проснётся ни свет ни заря — и в огород: не выросла ли морковка? А она — нет, не выросла!

У Никишки терпения нет: охота морковки попробовать, а морковка не растёт. Как была грядка голая, так и стоит.

Может, неправильно посадили?

Прибежал Никишка в огород, глядь — нет, правильно! Грядка зелёная-презелёная! Точно ковром покрыта.

«Взошла! — обрадовался Никишка. — Теперь вырастет!»

И отведёт же он душу — поест морковки!

И зачистил Никишка в огород пуще прежнего. Да только морковка растёт, не торопится.

— Что ты всё бегаешь, непоседа? — сердится бабушка. — Сказано — не пора, не выросла!..

«Не па-ара... Запаракала!..»

А морковка тем временем всё растёт да прибавляется. Распушила зелёные метёлки — грядки не видать.

Ну вот, поди, и пора...

А бабка опять за своё: «Не пора!»

«Запаракала...»

Отвернулась она, а Никишка — хоп! — и к грядке. Раздвинул рукой ботву, отыскал корешок потолще и выдернул. Глянь — а морковка-то всего со спичку!

Ткнул её Никишка и отправился обратно ни с чем. Видать, бабка правду говорила...

Прошёл день, другой, третий... Не сидится Никишке, не ждётся, не терпится...

«Ну, теперь, — говорит, — морковка небось выросла!»

А бабка опять за своё — «запаракала».

Отвернулась, а Никишка опять — хоп! — и к морковке. Выдернул первую попавшуюся, обрадовался: морковка теперь не со спичку, а с Никишкин мизинец.

— Ого! — говорит Никишка. — Выросла! Уж сейчас-то я отыщу себе подходящую...

Выдернул другую — опять с мизинец, мала! Ткнул в грядку. Выдернул: мала — в грядку, мала — в грядку... Дёргал, дёргал Никишка — рука устала.

Видит, бабка идёт.

— Что ты, — говорит, — опять тут делаешь?

— Смотрю, — отвечает.

— Смотреть смотри, да не засматривайся! Марш домой!

Много ли, мало ли прошло дней, да только дождался Никишка морковкиной поры...

Прибежал к нему утром дружок Митька, а в руках у него морковка. Красная-прекрасная!

— Дай откушу!..

Откусил. Вкуснота — ешь, не наешься!

— Бабушка! — кричит Никишка. — Пришла! Морковкина пора пришла!

Поспешили с бабкой на огород. Никишка не идёт, а на крыльях летит. Вот уж он сейчас пузо-то набьёт!..

Смотрят, а морковка-то вся завяла — полегла, ровно ходил кто по ней!..

Выдернула бабка одну — малюсенькая, смотреть не на что: дряблая, старая, в рот не возьмёшь!.. Выдернула другую — того хуже.

— Что же это такое? — говорит бабушка. — Какой враг-лиходей морковку загубил? У всех поспела, а у нас нет!

— Такая уж у нас морковка-бестолковка, бабушка! — сказал Никишка, да молчок — прикусил язычок.

Дёргала бабка, дёргала — всю морковь навывлет, а хорошей ни одной не попало: вся пропала.

— Иди, — говорит Никишке, — к соседям. Попрошайничай!.. Хорошо, как дадут, а не то — в чужой рот заглядывай!

ЗОВУТКИ

Лора никак не могла понять, где спала. В незнакомой комнате узлы, чемоданы, сваленные в углу, стулья...

— А-а-а-а!.. — вспомнила Лора. Они переехали на дачу.

Лора вскочила с постели, вытянула из-под узлов свой велосипед и через минуту катила по дорожке.

Стоп! На дорожке, щуря на солнышке заспанные глаза, стоял рыжеволосый мальчишка. Он стоял так, что дорожка проходила между его ног. Лора свернула влево, и мальчишка влево; Лора вправо, и он вправо.

— Ты что, дурак? — сказала Лора.

— Сама дура! Дай прокатиться!

— Нет, не дам.

— У-у... кикимора! — сказал мальчишка и шмыгнул в кусты.

Из дому вышла бабушка:

— С кем это ты здесь разговариваешь?

— С кикиморой!.. — сказала Лора.

— Это ещё что за слово? Марш домой! — рассердилась бабушка.

— Это не слово, бабушка, а мальчик.

Бабка отвела её во двор и захлопнула калитку.

Но разве усидишь дома, когда знакомство ещё не состоялось? Через минуту Лора снова была за калиткой.

— Вижу, кикимора, вон в кустах! Выходи!

Мальчишка вышел:

— Это кто приходил? Баба-яга?

— Смешной! Моя бабушка, — сказала Лора.

— А мать у тебя есть?

— Конечно, есть!

— А отец?

— И папа!.. Он на работе.

— Зачем на работе?

— Смешной!.. Чтоб обеспечить семью...

— Обеспечить свинью... — сказал мальчишка, и они оба весело рассмеялись.

— Тебя как зовут, мальчик?

— Зовут зовуткой, величают уткой. Кто спросит, того с ума сбросит. Петрухой меня зовут, вот как. А тебя как?

— Зовут зовуткой, величают уткой... — засмеялась Лора.

— Значит, мы зовутки, — сказал Петруха. — И ты и я...

— Прокатись, — предложила Лора своему новому знакомому велосипед.

— На кой он мне сдался! — отвернулся Петруха и, запустив за пазуху руку, достал горсть зелёных яблок. — Лопать будешь?

— Спасибо, у нас свои есть.

— Есть, да не такие, таких не едала. Дают — бери, а бьют — беги! На!..

Таких яблок Лора и впрямь не едала: кислые — вкуснота, глаза на лоб лезут.

— Где таких взял?

— У вашего жадины.

— У какого жадины?

— Ну, у вашего хозяина дачи! — сказал Петруха. — Скупой — снегу зимой не выпросишь. Каждое яблоко считает; сорвёшь — берёзовой каши заработаешь.

— А что такое берёзовая каша? — сказала Лора. — Я хочу каши, всю съем.

— Э-э-э, не знает! — засмеялся Петруха. — Заработает, тогда узнаешь. Давай, я прокачусь!

Петруха взял велосипед, поставил одну ногу на педаль, другой оттолкнулся и покатил по кружку-полянке. Звонок звенит-заливается, Петруха смеётся. Ух ты, вот это катальщик так катальщик! Летит, только пятки сверкают.

— Лора, возьми пирожок! — крикнула из калитки бабка.

— На кой он мне, я налопалась!

— Это ещё что за слова? — Бабка потянула её за руку.

— Ой, велосипед, ой, велосипед! — закричала Лора.

Оглянулась — ни Петрухи, ни велосипеда.

— Вспоминай как звали! — сказала бабка.

— Нет, Петруха хороший! Хороший! Он не украдёт велосипед. Не украдёт!

— Ой, как мы громко разговариваем! — вырос в калитке дяденька в широкополой соломенной шляпе. — Зачем кричим? Не надо кричать, — сказал он и, присев на корточки, погладил Лору по голове.

— Доброе утро! — поздоровалась с дяденькой бабка.

— Так, значит, отдыхать приехали? — спросил дяденька.

— И вы тоже приехали? — спросила Лора.

— И мы...

— А вы жадина?

— Лора, что ты говоришь! — крикнула бабка и покраснела. — Ужасно!.. Тут какой-то мальчишка её учит гадостям...

— Ничего, ничего! — погладил хозяин по голове Лору. — Вот мы сейчас пойдём посмотрим, где можно гулять, а где нельзя. — И, взяв Лору за руку, повёл по усадьбе.

— В саду нельзя — яблоки, в огороде — морковь, редиска...

— А где можно? — спросила Лора.

— А вот! — показал хозяин на дорожку, протянувшуюся от крылечка до калитки. — И вот! — остановился он под окнами дома. — Но здесь, детка, осторожноенько...

— Я не детка, а Лора.

— Ах, умница!.. Лора!.. Здесь цветы, Лора... Ты любишь цветы?

— Люблю!.. Я их все сорву!

— Ой-ой-ой!.. Вот рвать и нельзя.

— А цветы рвут и в комнату ставят.

— Лора! — одёрнула её бабка. — Сказано нельзя — значит, нельзя.

— Договорились? — сказал хозяин.

— Договорились!..

Легко согласиться, а каково утерпеть, когда цветы растут под самым носом, да ещё так хорошо пахнут. Георгины, астры, золотые шары так сами и просятся в руки.

Лора, отложив куклу, присела на корточки перед клумбой и потянулась к пионам. Сейчас она сорвёт, и у неё будет пион. Но за спиной кто-то зашевелился. В кустах показалась рыжая голова.

— Петруха! — обрадовалась Лора. — Иди к нам, не бойся! Иди!

Петруха протиснулся в лазейку, В окно выглянула бабка:

— А велосипед?

Петруха выбежал в калитку и проворно вкатил велосипед.

— Ну вот, бабушка, — сказала Лора, — я говорила, Петруха хороший!

— Все вы хорошие, когда спите. Завтракаты!

— И Петруха с нами! Пойдём! — сказала Лора.

Они прошли на веранду и уселись за стол, заставленный печеньем, хлебом, маслом.

— А конфеты? — спросила Лора.

— Нет конфет.

— Нет, есть, есть! — закричала Лора. — Которые мне вчера папа подарил. Давай... Петруха тоже любит конфеты. Любишь?..

— Люблю..

Бабка покачала головой и достала из буфета коробку конфет.

Через минуту на столе дымилась манная каша. Петруха посмотрел на свои руки и быстренько спрятал их под стол.

— А ну живо к умывальнику! — приказала бабка.

Что сделаешь, попал в такую компанию — придётся умыться.

— А рожу мыть? — спросил Петруха.

— Ой, как он говорит! — ужаснулась бабка.

— «Лицо», скажи, Петруха, «лицо»! — засмеялась Лора.

— Ну, лицо!..

Позавтракали благополучно. Тарелки из-под каши вылизали, с конфетами чуть языки не проглотили.

— Далеко не ходите! — наказала бабка. — А ты, молодой человек, смотри за ней.

— Ладно! Пойдём в лес! — сказал Петруха. — Ужа покажу.

— А кто такой уж?

— Змея...

— О-о!.. Тогда пойдём.

Они побежали в лес.

— Здесь! — остановился Петруха около старого, трухлявого пня.

— Смотри, смотри!.. — закричала Лора, отскочив в сторону.

Из-под пенька выползал чёрный, как сапожная вакса, уж. На шее у него горел, переливаясь, золотой галстук. Уж беспрестанно играл тонким, как проволока, язычком.

— Во, мой уж! — сказал Петруха, присел и погладил ужа рукой.

— Потрогай.

— Э-э-э... бабушка заругает! — отскочила Лора

— Трусиха! Не бойсь, он не кусается. Потрогай!

— Нет, бабушка заругает!

— Не заругает. — Петруха взял Лору за руку и подвёл.

Лора закрыла глаза и потрогала. Уж был холодный.

— Видишь, не кусается. — Петруха сгрёб ужа и посадил себе за пазуху. — Щекотно, ой, щекотно! — заплясал он вокруг пня.

— А я не боюсь щекотки! — сказала Лора. — Посади мне!

— Хитрая какая, он мой!.. Пошли, я знаю, где осы живут, — предложил Петруха. — Мёд лопать будем.

— Есть будем, Петруха! — поправила Лора.

— Ну, есть.

Осиное гнездо, как глиняный горшок, висело на ветках сухого орешника. Петруха размахнулся палкой и ударил. Осы загудели, как самолёты. Лора вдруг схватилась за щёку и, голося на весь лес, побежала.

Догнав её, Петруха поставил диагноз:

— Укусила оса!

Щека раздувалась, как кислое тесто.

— Не вой, тебе говорят! — прикрикнул Петруха.

— Да-а... тебе бы так!..

— Думаешь, меня не кусали? Я тоже не то от одной, не то от двух ос потерпенье терпел, — сказал Петруха.

Он схватил Лору за руку, притащил к ручью и начал курс лечения — холодные примочки.

— Не надо было махать руками. Осы не любят, когда машут руками.

Примочки явно были на пользу. Больная притихла, но, когда она заглянула в ручей и увидела своё лицо, заголосила ещё громче.

— Не вой! Ужа отдам, — сказал Петруха.

— Зачем мне твой уж?.. Меня теперь бабушка не узнает.

— Узнает...

— Нет, не узнает... Что я, такая толстая была?

— Поправилась. На даче все поправляются, — сказал Петруха.

— На один бок не поправляются, а я — на один бок. — И Лора заголосила пуще прежнего.

Щека помаленьку опала, и больная успокоилась. К обеду отправились домой.

— Что это с тобой? — встретила её, бабка.

— Ничего, бабушка! Просто поправилась на один бок. На даче все поправляются.

— Лора! — грозно крикнула бабка. — Или ты сейчас же скажешь всю правду, или я уезжаю в город!

— Ничего не случилось, просто меня укусила оса. Я не виновата, бабушка, она сама первая...

— Ну погоди, — сказала бабка, — придёт отец, он тебе задаст жару! Посмотри, на кого ты похожа?.. — Она дёрнула Лору за кофточку и, вскрикнув, повалилась в кресло: под ноги шлёпнулся уж и пополз по комнате.

* * *

Обидно, когда человека незаслуженно наказывают. Оса первая кусается, уж пугает бабушку, а Лора должна стоять в углу. Ну разве это справедливо? Разнесчастный она человек. На веранду сел воробей с червяком в клюве и, смешно поворачивая голову, стал рассматривать Лору.

Ну что ты, воробьишко, так смотришь?.. Жалко тебе Лору, да, жалко?..

В саду зашевелились кусты, и за веткой показалась рыжая голова. Через минуту Петруха стоял у веранды.

— Влетело?.. — спросил он.

— Немножко...

— Ну иди в сад! Что стоишь?

— Мне нельзя. Я в углу...

— В каком углу, разве здесь угол? Стенка!

— Стенка, а всё равно угол, бабушка поставила.

Петруха громко присвистнул.

— Эге... Значит, труба дело!

— Тише!.. — погрозила Лора.

— И долго тебе стоять?

— Это уж как бабушке заблагорассудится...

Помолчали.

— А уж уполз... — печально сказала Лора.

— Не бойсь, наш будет, к себе вернётся. Хошь, цветок сорву?

— Не надо... Жадина заругает... А какой сорвёшь?

— Вон красный.

— Пионы!.. Нет, не надо... Я длиннозоркая и отсюда вижу.

— Устала стоять? — спросил Петруха.

— Серединка на половинку...

— Давай за тебя постою.

— А бабушка увидит?.. Ну ладно, постой, я только пион сорву.

Только Петруха поднялся на веранду и встал в угол, откуда ни возьмись, — бабка.

— Ты что здесь делаешь? Где Лора!.. Лора!.. — закричала бабка.

Лора стояла посредине клумбы с букетом цветов. Бабка подскочила, вырвала у неё букет, оглянувшись, сунула себе под передник.

— Ну что мне с вами делать? Выгонит нас хозяин.

— Не выгонит, — сказал Петруха. — Ему деньги нужны, за деньги удавится.

Петруха и Лора сели играть в куклы. Но разве это занятие для настоящих ребят?

Через пять минут, как только ушла бабка, они вскарабкались на яблоню и укрылись в густых ветках. Мир, полный хлопот и неприятностей, был у них под ногами. Их никто не видел, они были спокойны и счастливы.

— Вкусно? — спросил Петруха, уписывая зелёное яблоко.

— Угу!.. — не открывая рта, ответила Лора. — Я целый пуд съем.

— И я пуд. Во! — Петруха поднял рубаху и похлопал себя по тугому, как барабан, животу. — А на тот год вы на дачу приедете?

— Не знаю... Если жадина пустит...

— А вы к нам приезжайте, — сказал Петруха. — Мамка говорила, что на тот год полы в избе перестелет и дачников пустит.

— А папа у тебя есть? — спросила Лора.

— Нет!.. Есть! Только он с нами не живёт... Мы вдвоём с мамкой живём...

Внизу зашумели кусты, мелькнула соломенная шляпа. Петруха кубарем скатился вниз, шмыгнул в кусты. Лора попала прямо в руки хозяина.

— Ага!.. — сказал хозяин. — Ну вот и заработала берёзовой каши!

— Не хочу берёзовой каши, не хочу! — закричала Лора, вырвалась и бросилась к бабке.

Хозяин взял в руку прут.

— Не хочу берёзовой каши, не хочу!

— Меня бей, я рвал яблоки! — вышел вдруг из кустов Петруха и молча вывернул перед хозяином карманы.

Хозяин взял Петруху за руку и, стегнув по голым икрам, повёл к калитке. Петруха не плакал.

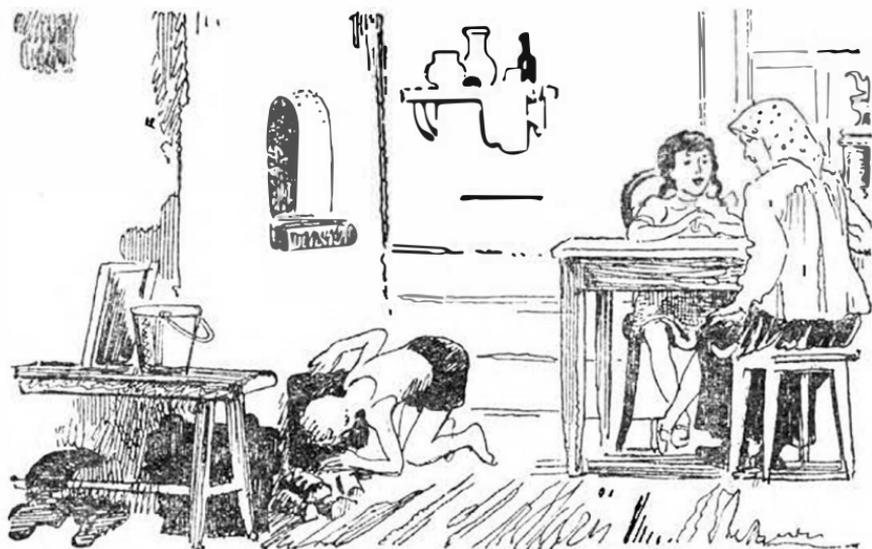
Через минуту они сидели в кустах. Лора осматривала красные рубцы на ногах Петрухи.

— Ну, теперь знаешь берёзовую кашу? — спросил Петруха.

— Знаю, — тихо ответила Лора. — Больно?

— Не-е!.. Вы к жадине больше не приезжайте, — сказал Петруха. — К нам приезжайте. Мы с мамкой осенью свои яблоки посадим.

ПРОШКА

Прилетел Прошка домой, кусок в зубы — и на кровать. Правый ботинок в один угол, левый — в другой, штаны через голову, рубаху под кровать — наплевать!

— Ах ты, оглашенный! — кричит бабка. — Когда тебя уму-разуму, порядку научишь?

— В порядке морковка на грядке, а мне некогда, — отвечает. — Завтра вставать рано: в школу лётчик-герой приезжает!

Шлёп — и на боковую.

Утром вскочил, глаза протёр, а на улице ребята. Спешат в школу, торопятся. С лётчиком-героем встретиться, рассказ послушать.

— Давай штаны! — кричит Прошка. — Скорее! Мне некогда!

— Куда положил, там и возьми, — отвечает бабка.

— Где клал, там и взял! — смеётся сестра Вера.

Носится по избе Прошка, штаны ищет. Под лавку сунулся, под печку заглянул, на полати слетал, в печурке пошарил.

— Ба-а!.. Прошка в печурке штаны ищет! — смеётся Вера.

Нашёл штаны Прошка. Из-под лавки вытянул. Мятые, скомканные, как кулёк. Ладно, какие-никакие, лишь бы на встречу с лётчиком поспеть.

Ребят на улице меньше стало; бегут, которые проспали.

— Рубаху давайте! — гремит Прошка.

— Куда положил, там и возьми, — отвечает бабка.

— Где клал, там и взял! — смеётся Вера.

Носится по избе Прошка, рубаху ищет. Под лавку сунулся, под печку заглянул, на полати слетал, рукомойник обшарил.

— Ба-а!.. Прошка в рукомойнике рубаху ищет! — смеётся Вера.

Нашёл рубаху Прошка под кроватью. Мятая, скомканная. Ладно, какая-никакая, лишь бы на встречу поспеть.

— Ботинки! — кричит Прошка. — Ботинки давайте, опаздываю!

— Куда положил, там и возьми, — отвечает бабка.

— Где клал, там и взял! — смеётся Вера.

Носится Прошка по избе, ботинки ищет. Под лавку сунулся, под печку заглянул, на полати слетал, в сахарницу нос сунул.

— Ба-а!.. Прошка ботинки в сахарнице ищет! — смеётся Вера.

Нашёл ботинки Прошка. Правый — на кухне, левый — в чулане.

— Ах ты, тупица, вязальная спица! — ругается бабка. — Ничем тебя не проймёшь!

А Прошка хлоп дверью — и след простыл.

Прибежал в школу, а лётчик-герой уехал.

— Эх ты, копуша — курица клуша! — смеются ребята. — Будет тебя ждать лётчик, ему, может, на Луну скоро лететь надо.

Посмотрел Прошка, а в небе и правда самолёт.

Лётчик летит — улетаёт.

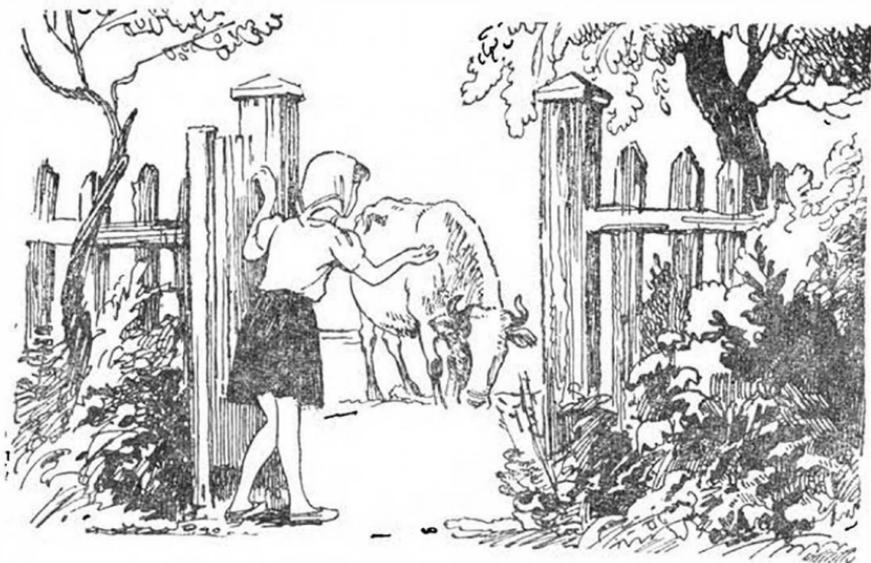
Вот тебе и в порядке — морковь на грядке. Правый ботинок на кухне, левый — в чулане. Прокопался!

Повернул Прошка домой и заплакал.

— Будешь блюсти порядок! — говорит бабка. — Каждая вещичка-невеличка своё место, крючок-гвоздик знать должна. Где оставил, там и дело справил.

— Где клал, там и взял! — добавила Вера.

ДОЧА

Вера жила с бабушкой в деревне. У бабушки была корова Доча, и Вере очень хотелось подоить её, но бабка не разрешала.

— Зашибёт! — говорила. — Что отцу-матери скажу?..

— Не зашибёт, бабушка, не зашибёт!

Но бабка и слушать не хотела. А Доча и в самом деле была бедовая: того и гляди, на рога посадит. Кроме бабки, никого не признавала.

Вернётся из стада, пролетит по двору, как метеор, и в пригон — к корзине с картошкой. А если картошки не припасли — не даст молока. Шибанёт рогами калитку — только и видели.

Всю деревню обшарь, под каждый куст загляни — не найдёшь.

— Ты её, послушницу, привязывай, — советовала соседка тётя Луша и тоже пускалась на поиски.

Возвращалась Доча, когда все спали. Подойдёт к окну и протянет:

— Му-у!..

Это значит: пожалуйста, подоите, у меня много молока, а носить его тяжело.

Бабка скатывалась с лежанки (она, конечно, и не думала спать), гремела умывальником, забирала поддонник, полотенце и отправлялась доить. За ней вскакивала и Вера.

— Ах ты, моя добруша... моя ласковая! — разговаривала бабка с Дочей, нежно поглаживая её по бокам.

Потом она ставила стульчик, протирала влажным полотенцем вымя, и по пригону раздавались звонкие колокольчики: дзень, дзень, дзень, дзень!..

Это тугие струйки молока стучали по поддоннику.

Эх, вот Вере бы подоить!

— Ты опять здесь? — кричит бабка.

Вера молчит и, присаживаясь рядом с ней, следит за её руками. Иногда Доча капризничала, не хотела стоять на месте, и бабка сердилась:

— Стой, язви тебя! Стой, холера! — и била Дочу кулаком по ногам.

— Баба, дай подою! — просит Вера.

— Отстань, говорят! — шумит бабка и гонит её в избу.

Но чаще бабка привечала Дочу лаской. Загодя припасала картошки, встречала куском хлеба, а когда у Дочи хорошее настроение, она и молока больше даёт.

— Нельзя сердить! — говорила бабка. — Скотина ласку любит.

Вера взяла кусок хлеба и отправилась к калитке встречать стадо.

— Доча, Доча! — закричала она, протягивая хлеб, но Доча пронеслась мимо.

На другой день, влетев в калитку, она остановилась около Веры и, раздувая ноздри, потянулась к горбушке.

— Доча, на! На!..

Доча лизнула Вере руку шершавым, как наждак, языком, взяла хлеб.

— Взяла, бабушка, взяла! — закричала Вера.

С этого дня дело пошло на лад. Доча каждый раз останавливалась в калитке, щекотала языком-наждаком Вере руки и брала хлеб.

Иногда Вера даже выходила встречать её за околицу.

— Доча! Доча!.. — кричала она.

Доча расталкивала коров, подбегала к ней и, покорно обнюхивая руки, шла домой.

— Бабушка, ну разреши, бабушка! — приставала Вера.

— Отстань! Не даст она тебе молока!

— Нет, даст, даст! Доча меня любит!

— Отстань!

Но однажды бабушка заболела, слегла и сказала:

— Сходи к Луше, попроси подоить.

— Ладно! — сказала Вера, а сама давай готовиться к дойке. Вымыла руки, достала чистое полотенце, взяла стульчик, подойник, отправилась.

«А вдруг Доча и правда не даст молока!..»

Доча стояла, уткнувшись в корзину с картошкой.

— Ах ты, моя добруша... Ах ты, моя ласковая!.. — погладила её Вера.

Она тихонько поставила стульчик, протёрла влажным полотенцем вымя, точно так же, как это делала

бабка, ткнула Дочу кулаком в бок и, захватив пальцами сосок, начала доить.

Дзинь! — зазвенел подойник. — Дзинь, дзинь!

Струйка молока то гасла, то вспыхивала, как молния, когда Вера перебирала пальцы.

Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь!..

У Веры от радости замирало сердце: значит, Доча даёт ей молоко.

Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь!

Не было на свете веселее и звончей этой песенки.

Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь!..

Вера надоит много, много молока... Досыта напойт большую бабушку, напьётся сама.

Молоко закрыло дно подойника. Звонки стали глуше.

Шик, шик! — выговаривали струйки молока, пробивая белую папаху пены.

Шик, шик, шик, шик!

Шапка белой пены высоко поднялась над подойником.

Ай да Вера! Ну и хозяйка! Сколько надоила молока! Вот бабушка обрадуется!

Доча откинула рогами пустую корзину, переступила с ноги на ногу.

«Мало насыпала картошки...» — подумала Вера.

— Стой, язви тебя! Стой!.. — закричала она.

Но в это время Доча потянулась к сену, ударила ногой по подойнику, и он, звеня, покатился по пригону, оставляя за собой лужу молока.

Вскочив, Вера принялась колотить Дочу кулаками по бокам, крича и плача от обиды:

— Обжора! Всё тебе мало!

Весь удой поместился в одной кружке.

— Пей! — поставила Вера молоко перед бабкой.

— Парного выпью! — отозвалась бабка. — Спасибо-то Луше сказала?

— Сказала...

— Сама что не пьёшь, квасишься? Пей!

— Выпью, не убежит...

* * *

На следующий вечер Вера вошла в избу с полным подойником.

А у бабушки сидела тётя Луша.

— Ну вот и хозяйка пришла, — сказала тётя Луша.

— Ах, плутовка! Ах, негодница! — поднялась бабка.

— Ну ничего, ничего! — улыбнулась тётя Луша. — Лежи, бабка, поправляйся. Теперь у тебя помощница есть. Отдыхай!

ПУЗЫРИ

Родьке строго-настрого наказано: не купаться!

— Утонешь! — сказала мать.

— Нет, не утону... Я ж умею малость...

— Сиди дома!.. Наливай вот воды в корыто и купайся.

Смешно! Чтобы Родька сидел дома и купался в корыте, когда все ребята на речке?

Мать — на кухню, за стирку, Родька — на речку.

Прибежал, ребята уже купаются. Родька разлетелся, закрыл глаза — и бултых в воду.

Ух ты, как здорово! Пошла крутить-молотить мельница: руками-ногами, руками-ногами... Только брызги во все стороны. И ноги дна не касаются. А дальше плыть — боязно.

У-у!.. Куда заплыли мальчишки! Едва видно. Дальше всех белела голова Васютки Дёмина. Васютка — первый купальщик в посёлке: сто раз, а то и больше Суру переплывёт.

Эх, вот Родьке бы так!..

— Плыви, Родька! — крикнул Васютка.

Родька и сам знает — «плыви»! Да боязно — утонешь!

— Плыви! Не трусь! — кричал Васютка.

Эх, была не была! На пузырях Родька, пожалуй, попробует — не утонет. Он взял штаны, ловко орудуя зубами, завязал штанины на концах, взмахнул, шлёпнул об воду. Оп! И над водой вздулись две полосатые сардельки. Плыви — не утонешь!

Родька лёг между пузырями на живот, так что один пузырь оказался слева, другой — справа. Вот это пузыри так пузыри! Держат! Нипочём не утонешь.

Родька что есть силы колотил ногами, поднимая океанские волны.

— Эй, смотрите, все смотрите! Родька плывёт — не боится. Ой, куда заплыл! Далеко-далеко! Страшно!

Родька остановился.

— Плыви! — закричали ребята.

Секунду Родька колебался, потом снова заколотил ногами и поплыл дальше. Неожиданно всё смолкло: стало тихо-тихо. Казалось, что на Родьку смотрит весь мир. И мальчишки, расположившиеся на той стороне Суры на мостках, где женщины полощут бельё, и роща, и облака. Родьке и весело и боязно... Ведь под ногами бездонная глубина. С опаской посматривая на торчащие по бокам пузыри, он слушал, как они тихонько шипели, покрываясь мелкими пузырьками. Родька работал вовсю. То быстро, то потише. Плыть было то легко, и тогда Родьке каза-

лось, что он переплывёт Суру и без пузырей, а то становилось тяжело, и ему не хватало воздуха.

А берег тем временем приближался. Можно уже было различить мальчишек.

— Молодец! — подбадривал его Васютка.

И Родька молотил ногами. Ещё немножко! Ещё!.. Вот и конец. Ноги чиркнули по мягкому илу. Родька нащупал ногами дно, встал и, пошатываясь, пошёл к берегу.

— Молодчина!

— Ай да Родька! — кричали ребята.

Васютка помог Родьке выбраться на мостки, и он лёг на прогретые солнцем доски.

От усталости кружилась голова, небо поворачивалось вверх ногами, но Родьке было приятно: вель он переплыл Суру!

На той стороне малюсенькими куклами-голышами барахтались малыши. К мосткам то и дело подходили женщины, звеня вёдрами, черпали воду, переговаривались между собой.

Родька, прислушиваясь к их голосам, приятно грелся на солнце. Мальчишки тоже грели животы.

Вдруг Васютка вскочил и крикнул:

— Атаc, Родька, мать идёт! — и бросился в воду.

Родька, не помня себя, тоже полетел с мостка и отчаянно замолотил ногами.

— Вернись, чертёнок, утонешь, вернись!.. — бежала по мосткам мать.

Ку-у-да там! Родька молотил — только брызги летели. Послушай её, а она, чего доброго, ещё и за уши при всём честном народе отдерёт.

— Верни-и-сь!..

Руки, ноги устали. Не хотели слушаться, но Родька грёб и грёб, ни на секунду на останавливаясь.

Скоро берег. Васютка вон уже доплыл.

«Ещё немножко, ещё!» — подбадривал себя Родька и принимался молотить с новой силой.

Но вот ноги чиркнули по песку. Дно! Тяжело дыша, отдуваясь, как пароход, Родька вышел из воды, растолкал мальчишек и лёг рядом с Васюткой. Матери на мостках не было.

«Ушла... Теперь уж никогда не утону», — подумал Родька и вдруг вспомнил про штаны. Штаны лежали на той стороне речки на мостках. Значит, он переплыл Суру без пузырей. Ай да Родька! Молодец! Научился плавать. Сейчас он немножко отдохнёт и сплавает за штанами.

СВЕТА, РИТА И ТОЛИК

Света и Рита играли в классы. Рита прыгала у завалинки, а Света следила из окна, потому что сидела дома с Толиком. Мама уехала в город.

— Черта, черта! — закричала Света.

— Ну ладно, иди прыгай ты! — согласилась Рита.

Света перекинула ногу через подоконник, спрыгнула на завалинку, но в это время в избе заголосил Толик. Она вернулась, оттащила брата от печки и принялась дуть ему на обожжённый пальчик-мизинчик.

— Вот тебе, печка-овечка, вот тебе! — побила она печку.

Потом Света достала с полки бутылку с подсолнечным маслом, чтобы смазать Толику палец, но Толик спрятал за спину руки.

— Давай смажу! — крикнула Света. — Мама сказала бы: смажь! Я сейчас позвоню маме по телефону. — Света сняла с гвоздя половник, приложила к уху и поговорила с мамой. — Ну вот, мама сказала: смажь!

— Скоро придёшь? — крикнула с улицы Рита.

— Ладно, прыгай за меня, — сказала Света. — Только, чур, не обманывать!

Она смазала Толику маслом пальчик-мизинчик, снова устроилась на подоконнике.

— Няня, ми, ми!.. — попросился к ней Толик.

— Не возьму! Отстань, вякалка! — Света толкнула Толика ногой, и он упал.

— Вот тебе, нога-кочерга, вот тебе! — Вместе с Толиком побили они ногу.

Потом Света посадила Толика на сундук и пригрозила:

— Не лезь на окошко, там лев, лев!

— Огонь! Сгорела, смотри, ты сгорела!.. — закричала под окном Рита.

— Как не стыдно! — сказала Света. — Нарочно наступила, нарочно...

— Нет, нечаянно, нечаянно! Я за тебя больше не буду прыгать.

— А-а-а-а!.. — закричал в избе Толик, упав с сундука.

— Вот тебе, сундук, вот тебе!..

Ну что это за братик такой, непоседа, поиграть не даёт. Света отшлёпала Толика, посадила за стол.

— Ешь! — поставила она ему стакан молока.

Толик сидел за столом, а Света смотрела за Ритой.

— Няня, кисо! — закричал Толик.

— Отстань — кисло! Ешь! — сказала Света, не оборачиваясь.

— Няня, котик, котик!

— Ну так что, полный ротик? Ешь!

— Апки, няня, апки!..

— Ну так что, сладко? Ешь! — рассердилась Света, обернулась, а на столе кошка. Вылизывает остатки молока.

В избу вошла Рита.

— Я больше не буду играть, — сказала она.

— И я не буду.

— Пойдём на лужок за ромашками. Много-много нарвём!

— А Толик?..

— У-у-у... — загудела Рита. — Тогда я одна пойду.

— Подожди! Давай Толика уложим и пойдём, — сказала Света.

— Давай!

— Мы с Толиком в охापочку быстро уснём! — Света положила брата на кровать, легла рядом и обхватила его в охапочку руками. — Баю-баюшки-баю, не ложися на краю! — запела она. — А ложись в серёдке, под хвостом селёдки.

— А ложись у стенки и получишь пенки! — пропела Рита.

— А ложись с пелёнкой, рядом с поросёнком!

— А ложись с подушкой, рядышком с лягушкой...

— Ну тебя! — сказала Света. — Ты смешишь. Толик, спи, говорят! Я сейчас с мамой по телефону поговорю. — Она сняла с гвоздя половник.

— Толик у вас, наверное, есть хочет, — сказала Рита. — Давай покормим.

Они достали из печки горшок с кашей. Толик зажал рот, закрутил головой.

— Нет, ешь! — сказала Света. — Вот так! Смотри, Толик, вот так! — Она показала Толику, как надо есть кашу.

— Вкусная? — спросила Рита.

— Попробуй!

— Вкуснотища-а! — попробовала Рита. — Может, ваш Толик не любит манную кашу, — сказала она. — Не любишь, Толик?

Толик закрутил головой.

— Видишь, не любит.

— Ну и дурак! — сказала Света и стала есть кашу. Ложку себе, ложку Рите. Себе, Рите!

Когда кашу съели, Рита сказала:

— Давай наряжаться!

— Ну тебя... А в кого наряжаться?

— Ну, в маму... В кого хочешь...

Света открыла сундук, достала цветной платок и накинула на голову.

— Смотри, я мама!

— И я мама! — Рита накинула на себя шаль.

Через минуту Света крутилась перед зеркалом в пышном мамином сарафане.

— Ух ты, как красиво! — сказала Рита и помогла ей повыше подобрать сарафан, потому что он был очень длинный.

Света надела туфли на высоких каблуках, взяла в руки зонтик и пошла по комнате. Она ходила, а Рита, хватаясь за живот, смеялась.

— Барыня! Нет, не барыня — артистка, артистка!.. Ой, а это что? — вытянула она из сундука красивое лёгкое платье.

— Тихо, ты! — сказала Света. — Это мамино свадебное платье, знаешь, когда замуж выходят.

— Померим!

— Заругают...

Но через минуту Света была невестой.

— Невеста без места, жених без штанов! — заплакала она перед зеркалом. — Ой, а где Толик?

— Толк, Толк! — забегали они по избе.

Нашли Толика в сених у чугуна с картошкой. Он аппетитно ел.

— Плюнь, Толк, плюнь сейчас же! — закричала Света.

— Видишь, любит картошку, — сказала Рита и пошла к дверям. — Ну ладно, я пойду!

— Куда?

— За ромашками.

— А я?..

— А Толк?.. Тебе же нельзя.

— Знаешь что? — сказала Света. — Давай Толика возьмём с собой. Он плакать не будет.

— Не будешь, Толк?

Толк покрутил головой. Не будет!

Ромашек на лугу было много-премного. И Толк совсем не плакал, не мешал Свете и Рите, а тоже собирал ромашки. Он собирал, а Света и Рита вязали букеты. Много-много навязали: Ритиной маме букет, Светиной маме букет...

— А ваш Толк хороший! — сказала Рита. — Не плачет. Мы его всегда будем брать с собой на лужок.

— Конечно, будем, — согласилась Света и добавила: — Если разрешит мама...

КОРОВА В ШКАФУ

К Миньке в Удолье — небольшой совхозный городок — приехал двоюродный брат Серёжа, москвич.

— Хочешь, элеватор покажу? — сказал Минька.

— Не показывай! У нас своих элеваторов завались...

— Настоящих, с зерном?..

— С галошами... — засмеялся Серёжа.

А жаль, Миньке очень хотелось удивить брата элеватором. Большой, высокий!

— Ну, тогда пойдём на станцию, — сказал Минька и повёл брата на станцию.

Они пробежали проходным двором, свернули в переулок и вышли к дорожному туннелю, который проходил под путями.

— Во! — сказал Минька. — Туннель! Раньше

здесь на переезде знаешь какие пробки были... Из пушки не пробьёшь.

По шоссе пронеслась пузатая, как откормленная гусыня, автоцистерна с надписью «Молоко» и, грозно ревя мотором, нырнула в туннель.

— Раз, два, три, четыре... — начал отсчитывать Минька, — ...девять, десять... раз... — и машина вынырнула на противоположной стороне станции. — Видал! — прищёлкнул языком Минька. — Длинный... Поди, целый километр будет.

Но Серёжу и туннель не удивил. Он сказал, что в Москве есть туннели, которые начинаются в одном конце города, а кончаются на другом. И называются они метро.

— А у нас ягоды в роще... — сказал Минька. — Много-много. Земляника, смородина.

— И у нас смородина... только в саду...

— А ты корову в шкафу видел? — спросил Минька.

— А разве корова в шкаф залезает?

— Залезает! Вот и не видел, не видел! — захлопал в ладоши Минька. — Пойдём к Вите на завод, увидишь, — сказал он.

Витя, старший брат Миньки, учился в девятом классе и на заводе проходил производственную практику. Пожалуй, Витя покажет и корову в шкафу: он всё может!

Вот и завод!

Запыхавшись, они остановились около высокой арки, наверху которой висела вывеска: «Консервно-молочный завод».

В воротах стоял старик вахтёр.

— Не пустит! — сказал Серёжа.

— Не бойсь!.. — Минька юркнул в кусты сирени, скинул рубаху, завязал в неё комок засохшей глины,

так, что получился небольшой узелок с обедом, и направился к арке.

— Завтрак несём брату! — сказал вахтёру Минька и ловко шмыгнул в ворота.

За первым углом он вытряхнул глину и надел рубаху.

Серёжа с любопытством осмотрелся. Заводской двор был чистый-пречистый. Дорога уложена деревянным настилом, вдоль забора тянулись густые, разросшиеся тополя.

Ему не верилось, что это завод: скорее всего, парк имени Горького, куда он часто ходил гулять с папой.

— Ты сухое молоко ел? — спросил Минька.

— Ел! Его не едят, а разводят и пьют.

— Ну, пьют, — поправился Минька. — А откуда оно берётся знаешь?

— Не-е...

— Сейчас увидишь!

— А корову в шкафу?

— И корову в шкафу увидишь.

Они обогнули небольшую постройку и подошли к высокой платформе, у которой стояла цистерна-гусыня с надписью «Молоко». Здесь она стояла притихшая, будто у неё и не было грозного мотора. Из открытого люка тянулся большой резиновый шланг, который вздрагивал, как живой.

— Молоко перекачивают! — шёпотом сказал Минька и вдруг крикнул во всё горло: — Нина, а вот и мы!

У цистерны Серёжа увидел девушку в белом халате. Это была Витина одноклассница Нина, которая вчера приходила к нему за «Анной Карениной».

— Нина, Серёжа хочет посмотреть корову в шкафу! — сказал Минька и хитро засмеялся.

Улыбнулась и Нина.

— Что ж, раз хочет, пошли! — махнула она рукой и направилась к дверям, в которые уходил шланг.

По дороге Минька сказал, что Нина практикант-лаборантка, что она принимает молоко и кислятину ни за какие коврижки не примет, хоть лопни.

Они вошли в дверь за Ниной и очутились в большом зале, заставленном круглыми баками. На одном из баков Серёжа увидел конец шланга, из которого хлестало молоко.

Фильтр! Процеживают молоко.

Тугая струя молока пробивала несколько сеток, пристроенных этажами одна над другой, и с шумом падала в бак. Отсюда молоко перекачивалось в хранилище.

Они прошли в хранилище. Слева и справа ряды больших резервуаров, покрашенных белой краской.

В углу кузнечиком попискивал мотор холодильника. От холода у Серёжи по спине побежали мурашки. Здесь целое море молока!

— Вот бы купнуться! — сказал Минька. — Ты бы в молоке купнулся?

— Купнулся, только плавать не умею.

Неожиданно в дверях вырос Витя. Это был Витя и не Витя. В белом халате, в поварском колпаке-чепчике.

— Зачем? — строго спросил Витя.

— Не кричи, пожалуйста! — сказала Нина. — Они ко мне.

— Без халатов?..

— Всё будет! — успокоила его Нина и вынесла из-за резервуара два халата.

Минька и Серёжа, путаясь, начали одеваться. Смех! Полы до пола, рукава до пят.

— Экскурсанты!.. Чучелы гороховые! — засмеялся Витя. — Зачем пришли?

— Серёжа корову в шкафу хочет посмотреть, — сказал Минька и почему-то отвёл глаза в сторону.

Витя молча погрозил ему кулаком:

— Последний раз! Буду гнать в шею. Директор увидит, влетит тебе и мне. Пошли!

Серёжа с Минькой поднялись по трёхступенчатому порожку и очутились в просторном с квадратными окнами зале. На цементном полу стояли круглые, как поварские котлы, аппараты. Витя — механик этих аппаратов. — обо всём рассказал. В аппаратах происходит важный процесс — отделяется молоко от влаги. Из четырёх литров обычного молока получается один литр подгущённого.

— Сливки!.. — сказал Минька.

— Сливки поступают в башню! — сказал Витя и стал подниматься вверх по винтовой лестнице.

Серёжа и Минька за ним.

— Теперь держись, — шепнул Минька. — Будет самое интересное — башня снежной пурги!

Они пробуравили по лестнице первый этаж, второй, а лестница всё винтила и винтила.

У Серёжи закружилась голова, и он качнулся.

— Слабак! — сказал Витя. — Наверное, молоко плохо пьёшь. Не любишь?

— Не люблю! — признался Серёжа.

И Витя рассказал про молоко. Молоко самый полезный продукт, в нём есть все необходимые вещества для того, чтобы человек был сильным и даже мог стать чемпионом по боксу.

— Скоро в школах введут обязательный стакан молока, — сказал Витя, — тогда держись...

— Как ты тогда будешь учиться? — засмеялся Минька.

— А я найду школу с газировкой, — сказал Серёжа.

— А я с мороженым...

Лестница довинтила до крыши и вышла на площадку около круглой бетонной башни, которая протянулась от самого подвала.

— Вот и башня снежной пурги! — сказал Минька и, подскочив, заглянул в стеклянный глазок.

Серёжа пристроился рядом.

Ух ты, какая пурга-метелица! Ничего не разберёшь... Но присмотрелся и увидел. Внутри башни-колодца железный стержень. Посередине стержня небольшой диск-тарелочка. И стержень и диск быстро-быстро вращались. В башне свистел ветер.

Вот что Серёжа понял из рассказа Вити.

Башня пурги — это сушилка. Сюда через стержень-трубу подаётся подсушённое молоко и разбрызгивается через дырки диска-тарелочки. Капельки молока вылетают в поток горячего воздуха, который дует в башне снизу вверх, сохнут и снежинками опускаются на дно.

Серёжа заглянул в глазок и увидел, как на дне башни ходят железные скребки и сгребают молочный порошок.

Вот это да! Обыкновенное молоко, которое только что качали насосом, на глазах у Серёжи превратилось в порошок!

Серёжа сбежал вниз к лотку-рассеву, где порошок рассевали в круглые железные банки, и подставил под лоток руку. Порошок сыпался лёгким горячим пушком.

— Попробуй! — сказал Минька и лизнул порошок языком.

Серёжа тоже лизнул:

— Вкуснота!

— Язык не лопатка, любит, что сладко! — сказал Витя.

Серёжа всё пробовал и пробовал вкусный сладкий порошок.

— А куда вы его деваете? — спросил Серёжа.

— К тебе в Москву отправляем, — ответил Витя, — на Дальний Восток, полярникам...

— Видишь, — сказал Минька, — полярники и то молоко любят.

— И я буду любить. Только сухое... разведу и выпью.

Потом Витя привёл ребят в лабораторию к Нине.

— Теперь показывай корову в шкафу! — потребовал Серёжа.

— Сам смотри! — сказала Нина.

— Ищи! — сказал Минька. — Вот шкаф.

Серёжа перерыл весь шкаф, но, кроме бумаг да круглых железных банок, в которые на рассеве ссыпали молоко, ничего не нашёл.

— Эх, ты! — сказал Минька. — Не видишь! — И достал из шкафа круглую банку. — А это тебе что? Не корова в шкафу?

На банке была нарисована корова с рогами и написано: «Молочный порошок».

— Разве это корова?

— А то кто? Молоко даёт? Даёт. Значит, корова.

Нина поставила на стол поднос с квашёнкой и кувшин молока.

— А вот и удой коровы в шкафу! Налетай кто проголодался! — засмеялся Витя и первый подставил стакан.

Нина налила ему стакан квашёнки, Миньке стакан квашёнки, Серёже стакан квашёнки. Красота! Никогда ещё Серёжа не ел такой вкусной квашёнки! И молоко коровы в шкафу вкусное. Холодное-прехолодное! Ай да корова в шкафу, всё можно пригото-

вить из её молока-порошка: и квашёнку, и молоко, и мороженое.

Нина поставила на стол четыре вафельных стаканчика мороженого: Серёже стаканчик, Миньке стаканчик, Вите стаканчик, себе стаканчик. Вкуснота!

— Больше не приходите! — сказал Витя. — Мороженого не будет.

— Нет, будет! — сказал Минька, переглянулся с Ниной и засмеялся. — Будет! Ещё разок придём. Теперь знаешь корову в шкафу? — спросил Минька Серёжу.

— Знаю, замечательная корова! — сказал Серёжа и улыбнулся.

СЛЕПОЙ

Колька, переводя дух, подлетел к Серёжкиному дому.

Никого!

— Ребя!.. Серёга-а! — закричал Колька.

Но в ответ ни звука.

На завалинке, подставив солнышку лицо, сидел слепой дядя Василий.

«А-а... убежали... Без меня убежали... Купаться! — Колька хотел припустить к речке, но подумал: — А может, спрятались?»

Осторожно ступая, чтобы не услышал слепой, к которому Колька почему-то боялся подходить, страшась его закрытых глаз, пошёл вдоль забора. Обойдя

дом, завернул за угол и замер на месте: чуть не наткнулся на дядю Василия.

— Кто тут? — спросил дядя Василий и, пошарив рукой, поймал Кольку за рубаху. — А-а, Колька! — сказал он.

Кольке стало страшно. Как он узнал? Он же слепой. Дядя Василий пробежал пальцами по Колькиному плечу, голове:

— Неумытый бегаешь...

Колька не шелохнётся. Откуда он всё знает?..

С речки доносились весёлые голоса ребятишек, и Кольке захотелось вырваться, убежать.

— Отведи-ка меня на почту! — сказал вдруг дядя Василий и, взяв Кольку за руку, поднялся.

Вот это номер! Как — на почту? Кольке некогда, ему надо купаться...

— Знаешь, где почта?

Колька хотел сказать — нет, не знаю, но язык почему-то не повернулся.

— Знаю!.. — пробурчал он.

Дядя Василий шагал быстро, споткнуться не боялся, потому что вёл его Колька. Колька с шумом сгонял с дороги кур, кричал на поросят и ворчливых индюшек.

— Ты не торопись, сторонкой веди! — сказал дядя Вася.

Можно и сторонкой. Колька свернул поближе к домам, на тропинку.

Навстречу попадались знакомые. Они останавливались, здоровались, разговаривали с дядей Василием.

— Это чей? — спрашивали они, показывая на Кольку.

— Николай Алексеевич Ильин! — отвечал дядя Вася.

Колька и не знал, что он Николай Алексеевич. Ему становилось приятно и уже не так сильно хотелось купаться.

Когда проходили мимо магазина, Кольку окликнул отец:

— Ты зачем здесь?

— Я с дядей Василием на почту...

— Здорово, Алексей! — поздоровался с отцом дядя Василий.

— Ну, ну! — сказал отец. — Держитесь сторонкой, не по дороге.

— Мы и так не по дороге, сами знаем! — крикнул Колька.

Ему почему-то стало радостно-радостно оттого, что отец не заругался, и пошёл ещё быстрее.

— Ты, дядя Василий, не бойся, я тебя никуда не наведу: ни на пенёк, ни в яму!

На почте дядя Василий получил деньги — пенсию.

Заведующая заволновалась:

— Зачем беспокоились, мы бы и так сами вам деньги принесли!

— Спасибо! — сказал дядя Василий. — Ходить и мы с Колькой умеем. Правда, Колька?

— Правда, сто вёрст пройдем!

— Чей парень? — спросила заведующая.

— Николай Алексеевич Ильин!

— Молодец, Николай Алексеевич! — улыбнулась заведующая.

Кольке показалось, что он даже вырос: не так уж часто его хвалят.

На обратной дороге дядя Василий зашёл в магазин и купил конфет.

— Угощайся! — протянул он Кольке кулёк.

— Не надо! — сказал Колька. — Я ведь тебя так провожал, не за конфеты.

— И я так угощаю... По дружбе! Бери!

Ну, а уж с конфетами жизнь куда веселее. Они шли, а солнышко ласково припекало.

— Ты, наверное, Колька, на речку хочешь? — спросил дядя Василий.

— Нет! — неожиданно для себя ответил Колька и добавил: — А ты, дядя Василий, любишь на речку ходить?

— А чего ж... люблю.

— Пойдём, дядя Василий!

На речке Колька купался, а дядя Василий лежал в траве, подставив лицо горячему солнцу.

Колька барахтался в воде и кричал:

— С ручками, дядя Василий! С головкой, с головкой! А рыбок сколько! Дядя Василий! Ух, сколько рыбок!..

Колька выскочил из воды, шлёпнулся рядом с дядей Василием в траву.

— Тихонько, не пугай! — сказал дядя Василий.

«Тиви, тиви!» — донеслось из кустов.

— Ой, это синичка, дядя Василий, синичка! — сказал Колька.

— Слышу, слышу, — отозвался дядя Василий.

— Вон она... вон она! — водил рукой Колька. --

Под ветку упрыгала!

— Какая она?

— Кто, дядя Василий?

— Синичка...

Колька удивлённо посмотрел на дядю Василия, потом притих.

— У синички, дядя Василий, спинка зелёная, — сказал он, вглядываясь в кусты, — грудка жёлтенькая, а щёчки белые.

— Ишь ты... — улыбнулся дядя Василий, — белые...

— Ага, белые-пребелые... И прыгает — скок, скок! — Колька вскочил и показал, как прыгает синичка. — А вон сорока, дядя Василий. Знаешь сорок — белое-чёрное, белое-чёрное! Дядя Василий, а хочешь, я тебе цветов нарву? — Колька пополз по траве и начал собирать цветы. — Вот это лютики, — пояснил он, положив цветы на колени дяде Василию, — жёлтые, а вот ромашки... Знаешь, по краям белок, в середине желток.

Дядя Василий улыбался, перебирая цветы, нюхал их. Кольке казалось, что дядя Василий видит и лютики, и ромашки, и даже его — Кольку.

В небе загудел самолёт. Высоко в густой синеве он полз как букашка. Дядя Василий отложил цветы, настрожённо прислушался.

— Что, дядя Василий? Это самолёт, — сказал Колька. — Ты видел самолёт?

— Видел, Колька... — Дядя Василий долго молчал, потом добавил: — Последнее, что я видел, — самолёт.

— Где, дядя Василий?

— На войне, Колька... Самолёт с бомбами...

— Значит, война, где слепнут?

— Слепнут, остаются без ног, гибнут... — Дядя Василий замолчал.

Не хотелось говорить и Кольке.

— Дядя Василий, — сказал Колька, — а хочешь, я тебя всегда-всегда буду на речку водить? И на почту тоже...

— Да не стоит. — Дядя Василий потрепал Кольку по голове, улыбнулся. — Тебе ж некогда.

Кольке стало хорошо-хорошо, будто он выучил на зубок весь букварь, перерешал целый задачник задач.

Из кустов выбежали ребята.

— А мы купались! — сказал Серёга.

— И я купался! — сказал Колька и добавил: — Мы с дядей Василием теперь всегда на речку будем ходить. Будем, дядя Василий?

ЧУДИК

Дёмушка, Павлик и Шурик шли на рыбалку. Дёмушка и Павлик — братья: Павлик — старший, а Дёмушка — младший. Шурик городской гость — дачник.

Шурик нёс целый пучок бамбуковых удилищ, от которых Дёмушка не мог оторвать глаз. На удочках поблёскивали малюсенькие колокольчики. Клюнет рыба, а колокольчик — дзинь! И готова рыбка — попалась.

А на удилище с пробковой ручкой приделаны колечки... Шурик говорит, что это удилище — спиннинг. Щук ловить.

Вот уж Дёмушка посмотрит, как ловят щук!

«Тук-тук!» — будто проверяя лесную тишину, кто-то застучал в стороне.

Через дорогу перелетел чёрный, как головешка, дятел, и проверка началась там: «тук-тук! Тук-тук!»

И откуда-то совсем издалека донеслось тревожное журавлиное курлыканье.

— Ох, и журавли здесь! — сказал Павлик. — Ребята на покосе руками одного поймали.

— Подумаешь, поймать обыкновенного журавля! — сказал Шурик. — Вот я в зоопарке видел так видел... Птица — фламинго называется.

Дёмушка прибавил шаг и пристроился ближе.

— Перья у фламинго розовые, клюв крючком, как турецкая сабля, и живёт он не в каком-нибудь болоте, а в Африке.

— А у нас такие фламинги водятся? — спросил Дёмушка.

— Фламинго! — поправил Шурик. — Конечно, нет!..

— Конечно, водятся! — сказал Павлик. — На Каспийском море.

— А ты был на Каспийском море?..

— А ты в Африке был?.. — засмеялся Павлик. Он поставил на дорогу свою корзину и побежал за удищами.

Шурик тоже сбросил рюкзак, лёг на траву и задрал ноги на пенёк. Рядом с его новенькими ботинками примостились ободранные тапочки Дёмушки.

— Так туристы делают! — пояснил Шурик. — Чтоб ноги отдыхали.

На дорогу с целой охапкой удищ вышел Павлик:

— Налетай!

Дёмушка выбрал себе самое длинное удище, без единого сучка.

— Во! — похвалился Дёмушка.

— Разве таким поймаешь! — Шурик взял удищи-

ще и, согнув, переломил на две половинки. — Вот у меня!.. — Он ухватил спиннинг и согнул колесом.

Да!.. Против такого ничего не скажешь...

— Будет хвалиться! — сказал Павлик.

Вскоре они вышли из лесу, впереди показалась река. Тихая, словно подёрнутая первым осенним ледком, она казалась неподвижной.

Дёмушка бросил палку, «ледок» вдруг брызнул серебристыми искрами, подхватил и понёс палку к песчаному обрыву, из-под которого выплывали белые облака.

— Красота! — сказал Павлик, поставил корзину и начал налаживать удочки.

Шурик сбросил рюкзак, достал блестящую катушку, на которой была намотана леска, прикрепил к спиннингу, продёрнул леску через кольца и привязал блесну-рыбку.

Дёмушке от нетерпения не сиделось на месте.

Шурик подошёл к берегу, взмахнул удилищем, и блестящая блесна-рыбка, описав в воздухе дугу, шлёпнулась в воду.

— Смотри, Павлик, Павлик! — закричал Дёмушка.

Шурик крутил катушку. Блесна в воде играла, как живая рыбка.

У самого берега вдруг что-то заплескалось, забрызгалось, и Шурик выдернул на траву небольшого шурёнка.

— Ой ты! — закричал Дёмушка. — Щука, Павлик, щука!

— Дай разок бросить! — попросил Павлик.

— Подрасти малость! — засмеялся Шурик и снова взмахнул удилищем.

Но блесна, чуть подлетев, упала прямо ему под ноги. Леска, опутав катушку, сбилась пучком,

— Борода получилась! — растерянно сказал Шурик и принялся распутывать «бороду».

Покопавшись, он отложил «бороду» и принялся расставлять донки — удочки с колокольчиками...

Дёмушка помогал ему. Шурик насаживал червей на крючки, а Дёмушка таскал банку с червями. Насадят червяка — закинут, насадят — закинут. Весь берег утыкали удилищами. Как зазвенит колокольчик, тащи!

Дёмушка слушал, слушал, но колокольчики никак не звенели, а потом один зазвенел: дзинь, дзинь!

Шурик подскочил к удочке, дёрнул, потянул, перебирая руками, леску.

— Ракушка! Ракушка поймалась! — закричал Дёмушка.

Шурик сердито сдёрнул ракушку с крючка, бросил в воду. Вытащил другую удочку, крючок был голый.

— Съела!

— Эх, ты! — сказал Павлик. — Не съела, а червяк сам сполз. Ты с хвоста червей одеваешь, а надо с головки. Видишь, где красное... — И Павлик хотел показать, как наживляют на крючок червей.

Но Шурик вырвал у него удочку:

— Не учи учёного!..

Сколько ни прислушивался больше Дёмушка к колокольчикам — не звенели.

Павлик устроился на коряге. Леска его не успела намокнуть, а поплавок пошёл, пошёл... Раз! — и Павлик вытащил краснопёрого окушка.

Дёмушка вскочил, забрал удочку и тоже закинул. Из-под зелёного листа кувшинки Павлик выдернул ещё одного окушка — побольше. Дёмушка заворочался, засопел, и его белый из гусяного пера поплавок переехал к кувшинке.

Оп! — и Дёмушка поймал... тоже окушка с красными плавниками.

— Шурик, иди к нам, тут ловится!

Но Шурик даже не посмотрел. Уткнувшись в катушку, он распутывал «бороду». Распутал и, забрасывая блесну, пошёл по берегу.

На той стороне речки закачалась рябина, засеребрилась ветла белой изнанкой листьев. Откуда ни возьмись — дождь. Кап, кап!..

Павлик и Дёмушка укрылись под ёлкой. Дождь хлынул как из ведра. Забарабанил по широким листьям орешника, по тугим лапам елей.

Шурик стоял на берегу и дёргал спиннинг.

— Вот чудик! — сказал Павлик. — Иди к нам!

— Иди, чудик! — крикнул Дёмушка.

Но Шурик не шёл, продолжая дёргать спиннинг.

Под ёлкой было сухо-пресухо. Павлик достал из корзины хлеб, яички, и они с Дёмушкой поели.

Дождик перестал. Над речкой снова выглянуло солнышко, и опять стало светло и весело. От дождя не осталось и следа. Над речкой носились стрижи, летали жёлтые капустницы.

— Шури-и-к! — крикнул Павлик. — Айда домой!

Павлик натолкал в корзину травы и сложил рыбу. Ого, вот это улов так улов — полкорзины!

— Шурик, у нас полкорзины!

— Ты что, прилип, что ли, к берегу? — крикнул Павлик.

— Зацеп! Достаяю... — ответил Шурик.

— Сильней дёргай!

— Оборвёшь...

— Тогда ныряй! — сказал Павлик и, подойдя к Шурику, толкнул в спину.

Но Шурик вдруг увернулся, испуганно отскочив в сторону.

— Ты что, плавать не умеешь? — спросил Павлик.

Шурик молчал, опустив голову.

— Не умеет, плавать не умеет! — закричал Дёмушка.

— Не ори! — остановил его Павлик, скинул штаны и бултыхнулся под корягу.

Секунда — и Павлик выскочил как пробка, держа в руке блесну-рыбку:

— На тебе твой спиннинг!

На обратном пути Дёмушка и Павлик несли корзину. Увесистая корзина с краснопёрыми окушками мирно покачивалась на палке. Ох и наварят же они сегодня ухи! Всех накормят! И маму, и папу, и Шурика. Шурик шёл далеко позади с пустым рюкзаком,

РОЗА

Ёлка и Алёша, переходя от окна к окну, поливали в доме цветы. Алёша носил ведёрко, а Ёлка черпала кружкой воду и поливала.

Она старалась напоить каждый цветок досыта, чтоб рос, не вял. Одной кружки мало — пей вторую, двух мало — пей третью.

Ёлка и Алёша любят цветы потому, что их любит мама.

Куда бы мама ни ездила, обязательно привезёт с собой цветок.

Ёлка и Алёша знают все цветки, откуда какой приехал.

Герань, яркая, как пожар, приехала из далёкого сибирского города Улан-Удэ. Там живёт мамин брат дядя Петя.

Ёлочка, пышная, лёгкая, как дымок, — из Тамбо-

ва, от тёти Любы. Фикус с толстыми гладкими листьями — из маминой деревни Успенки. Фикус, когда приехал, был малюсенький, с одним листиком, а сейчас вырос до потолка...

Ёлка протёрла листы фикуса мокрой тряпкой, спрыгнула с табуретки.

— Всё готово! — сказала она.

— А розу поливать будем? — спросил Алёша и выдвинул из-под лавки горшок с розой — двумя голыми прутиками и одним-единственным листиком.

— Розу мама велела выбросить, — сказала Ёлка. — Погибла!

Она нагнулась над цветком, разгладила ладошкой листик. Ёлка знала, что мама хотела спасти розу: собиралась пересадить в другой горшок, сменить землю, но всё никак не выберет время.

— Жалко розу? — спросил Алёша.

— Конечно, жалко...

— А ты не выбрасывай, давай спасём её!

— Как спасём?

— Очень просто: пересадим в большой горшок, принесём новой земли...

Ёлка согласилась. Они принесли из оврага земли — глинистой с песком, роза такую любит, пересадили розу в новый горшок и поставили на окно.

— А если мама заругает? — сказала Ёлка. — Она ведь велела выбросить.

— А мы спасли розу! — сказал Алёша.

— Не спасли, а только пересадили, — поправила Ёлка. — А знаешь что, давай лучше поставим розу в сарай, а когда спасётся, принесём.

— Давай! — согласился Алёша.

Они отнесли розу в сарай, поставили напротив окошечка, отгородили досками.

Утром побежали смотреть. Нет, роза не спаслась.

Из горшочка всё так же торчали голые прутики с одним-единственным листиком.

— Наверное, роза не спасётся, — сказал Алёша.

— Нет, спасётся! — крикнула на него Ёлка. — Не каркай!

Каждое утро Ёлка и Алёша бегали в сарай. Роза никак не спасалась.

Но как-то Ёлка забежала первая и закричала:

— Алёша, смотри: новые листики!

— И вот новые! — крикнул Алёша. — И вот!

На стебельках розы пробивались малюсенькие листики, сжатые в кулачки. На другой день кулачки разжались и развернулись ладошки. Зелёные-презелёные... Много!

Ёлка и Алёша от радости плясали: значит, роза спаслась!

— Теперь понесём домой! — сказал Алёша.

— Нет! — сказала Ёлка. — Знаешь, когда понесём? Когда мамин день рождения будет. Все гости подарки принесут, и мы принесём розу!

— А когда?

Спросили у мамы. Скоро!

Ёлка с Алёшей каждый день отгибали по пальчику.

И так им весело было, что просто всё время хотелось петь. И Ёлка с Алёшей пели:

Белая розочка,
Красная розочка,
Я тебя люблю...

— Что это вы у меня такие весёлые? — спросила мама и тоже запела:

Белая розочка,
Красная розочка,
Я тебя люблю...

Интересно получается. Подарок маме, а весело Ёлке и Алёше.

Роза росла не по дням, а по часам. Стала высокой, пышной, как шапка. Ёлка хотела сосчитать листики, но у неё не хватило пальцев. И Алёшиных не хватило.

И вот мамин день рождения наступил.

Когда собрались гости, Ёлка и Алёша побежали за подарком. Они открыли сарай и ахнули: в зелёной шапке розы горели два красных факела! Роза расцвела!

Запыхавшись, они влетели в комнату и поставили на стол розу:

— Мама, это тебе подарок!

Мама всплеснула руками, потом поцеловала Алёшу и Ёлку и сказала:

— Спасибо, дети! — и всё никак не могла оторваться от розы.

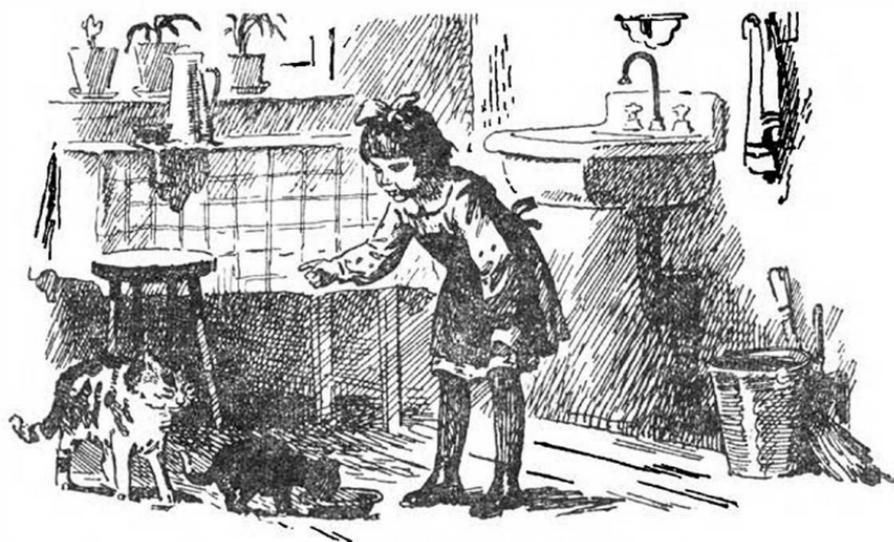
Гости обступили розу и любовались.

В комнате роза сияла ещё красивее. И комната от этого стала светлее, просторнее, выше!

Никогда у мамы не было такого светлого дня рождения! Никогда Ёлка и Алёша не были так счастливы, как сегодня!

В комнате цвела роза!

БЕЛОХВОСТИК

Нина с криком влетела в комнату:

— Мама, мамочка!.. Кто к нам пришёл!.. Посмотри!

Она взяла маму за руку, провела в переднюю и открыла дверь.

На площадке, зябко вздрагивая заморённым тельцем, стоял маленький котёнок. Чёрный, с белой кисточкой на кончике хвоста, будто хвостик окунули в молоко.

— Иди к нам! — сказала Нина. — Мы тебе молока дадим.

Но котёнок, не переставая трястись, стоял, испуганно тараща глаза.

— Ну иди же!.. Трусик!.. Правда, мама, он Трусик!

Через минуту Трусик был на кухне и лакал молоко из миски старого ленивца — кота Сократа.

Увидев гостя, Сократ грузно плюхнулся с лежанки и, скорее с любопытством, чем с неудовольствием, осмотрел его с ног до головы. И, так как гость не выказал хозяину никакого внимания и, продолжая лакать, стоял задом, Сократ грозно зашипел и поднял лапу.

— Не смей, Сократище! — крикнула на него Нина. — Трусик вырастет, он тебе задаст... Он у нас будет жить. Правда, мамочка, у нас?

— Что ты, Ниночка, зачем? Покормим и выпроводим.

— Куда выпроводим, мамочка?

— А туда... откуда пришёл.

— А Трусик ниоткуда не пришёл, он с улицы.

— Вот на улицу и выпроводим.

— Ма-а-ма! — протянула Нина. — Сама говорила, будь доброй, а сама...

— Ну, доченька, ну зачем тебе такой страшилище? У нас же есть Сократ...

— А почему Сократ у нас, а Трусика нельзя? Чем он хуже его?

— При чём тут «хуже»? Не хуже... а просто Сократ наш, давно живёт, вырос у нас.

— А Трусик где будет расти? Голодный, на улице? Да?..

— Значит, такая у него судьба, так сложилась жизнь.

— У него, мамочка, ещё не сложилась, он совсем ещё маленький... Оставим его у нас, вот и хорошо сложится!

— Нельзя! — коротко сказала мама. — Не можем мы собирать всех бездомных котов.

— Не всех, мамочка. Трусика возьмём мы, другого — другие, третьего — третьи, и совсем не будет бездомных.

— Не знаю, не знаю! — рассердилась мама. — Я не разрешу. Спрашивай папу.

Ну папа-то, конечно, разрешит! Папа — самый добрый человек на свете!

Считая минуты, Нина с нетерпением поджидала папу. Как только на площадке слышались шаги, она неслась к дверям. Но шаги либо поднимались выше, либо обрывались за хлопком соседних дверей.

Трусик — наверное, сытый первый раз в своей маленькой жизни — безмятежно спал на тёплой лежанке Сократа, смешно подвернув мордочку. Нина была счастлива.

Но вот с площадки донеслись знакомые шаги, и она, подлетев к порогу, распахнула дверь.

— Папа, папочка пришёл! — обрадовалась она. — Правда, папа, Трусик будет жить у нас? Ведь правда же, папочка?

— Какой Трусик, дочка?

— Обыкновенный... Хороший, маленький... Вот! — Нина подвела папу к лежанке и показала. Трусик спал.

— Решай сам! — сказала, подойдя, мама. — Я против!

— Где ты его взяла? — спросил папа.

— На улице, папочка... Нет, во дворе, во дворе! Нет, он сам пришёл!.. Я иду, а Трусик стоит у дверей! Можно, папочка, у нас?

Папа наклонился над Трусиком, внимательно осмотрел его, потрогал белую кисточку на хвосте и вдруг, взяв его двумя пальцами, потащил к дверям.

— Папочка, папа! — не помня себя, закричала Нина. — Не надо, папочка! Не надо!..

Но папа, щёлкнув замком, выбросил Трусика за дверь.

— Капризы! — строго сказал он.

Нина плакала.

Обиженная, расстроенная, она слегла в постель и не вставала больше недели.

Папа с мамой обшарили весь двор, лестничные площадки, мусорные ящики, но Трусика нигде не было.

— Найдём! — говорил папа, утешая больную. — Поправляйся!

И Нина поправилась. Со временем она совсем смирилась с пропажей Трусика, простила папу и охотно согласилась пойти с ним в первое воскресенье в кино.

И вот наступило воскресенье.

Пока папа одевался, залезая в свою огромную шубу, Нина выбежала во двор и удивлённо остановилась: в двух шагах от неё стояла незнакомая худенькая девчонка и держала на руках чёрного, с белой кисточкой на хвосте котёнка. Так ведь это же Трусик! Нина обрадовалась.

— Где ты взяла нашего Трусика? — спросила она девчонку.

— Это не Трусик, а Белохвостик! И не ваш, а наш! — ответила девчонка. — Я его ещё давно на улице подобрала...

— И тебе разрешили его оставить? — спросила Нина.

— А что такого... Конечно, разрешили! Папа Белохвостика кормушку сделал...

Нина почувствовала, как у неё покраснели уши.

Вышел папа. Она, не глядя, взяла протянутую руку и нехотя пошла за ним, понуро опустив голову.

БАБУШКИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В один и тот же день к бабушке в деревню приехали два внука. Славик Озёрский из посёлка Озёры — загорелый, рослый, с облезлым носом, и Славик Коломенский из города Коломны — худенький, наголо остриженный. Озёрский подкатил с папой на велосипеде, потому что жил недалеко, а Коломенский на «Москвиче» — иначе из Коломны не доберёшься.

Было уже совсем поздно, и бабушка, встречая, сразу укладывала их в постель — сначала Озёрского, он приехал пораньше, а потом Коломенского. С дороги спалось удивительно сладко, так сладко, что утром бабушка давным-давно встала, отогнала в стадо Пеструшку, накормила кур, вскипятила самовар, а Славика всё спят да спят.

Но вот под окном закудаhtала курица, и они проснулись.

— Стри-и-жeный! — удивился Озёрский, увидев Коломенского.

— А ты облeзлый! Нос облeз.

— Ты кто? — спросил Озёрский.

— Славик!

— Нет, я Славик!

— Нет, я Славик! Ба-а!..

— Не спорьте! — сказала бабушка. — Оба Славик. Ты — Озёрский, а ты — Коломенский.

— Ба-а... а он облeзлый!

— А он стриженный!.. Бабушка, — спросил Озёрский, — а ты седенькая?

— Седенькая, сынок, стара стала... В воскресенье восьмой десяток распечатаю.

— Значит, у тебя, бабушка, день рождения... А подарки будут?

— Будут!.. Вставайте! — приказала бабушка. — Слышите, курочка ряба кудахчет — яичко на завтрак снесла.

— Мне яичко! — вскочил Озёрский.

— Нет, мне! Ба-а... а он босиком...

— Ну и ты босиком!

Побежали за бабушкой в сарай.

— В корзину загляните, — сказала бабушка, показав в дальний угол сарая.

— Чур, моё! — подскочил к корзине Озёрский и забрал яичко.

— И моё! — подоспел Коломенский.

— Ба-а, оно лёгкое!

— Пустое, сынок, — привадку кладу, чтоб кур к месту привадить. Вон ещё за санями посмотрите.

— Есть за санями, бабушка, есть! Два!.. Нет, три, три!.. Одно тёплое!

— Ну вот, это курочка ряба и снесла вам на завтрак. Слетайте-ка на сеновал.

Озёрский первый подбежал к лестнице.

— Есть! И на сеновале есть! — закричал он.

— А ты — под амбар, — сказала бабушка Коломенскому.

Коломенский юркнул под амбар и вытащил оттуда ещё три яйца.

У бабушки теперь их целый подол.

— Все собрали? — спросил Озёрский.

— Обождите чуток, надо найти гнездо ломоножки, — сказала бабушка. — Никак не усмотрю, где несётся... А ну, попытайте за поленницей!

— Мы за поленницей смотрели — нету!

— А за тёсом?

— И за тёсом нет!

Обшарили весь двор, но гнезда ломоножки нет.

— Ладно, — сказала бабушка. — Недосуг. Как-нибудь в другой раз подсмотрю негодницу. Пошли завтракать!

— Ба-а, а почему ломоножка?..

— Хроменькая, ногу сломала, вот и ломоножка.

Славики припустили через двор и, влетев в избу, уселись за стол.

— Чур, моё место! — сказал Озёрский.

— Нет, моё! Ба-а!..

— Ой, какой смешной! Посмотри в самовар — огурец!

— А ты — тыква, тыква! — закричал Коломенский, заглянув в самовар, как в зеркало.

— Ах вы, неумытая команда! — сказала бабушка. — Марш к рукомоёйнику!

Славики побежали во двор. Когда они вернулись, бабушка уже собрала на стол.

— Вот вам курочкин завтрак! — сказала она и,

приподняв крышку самовара, положила вокруг трубы четыре яичка. — А это подарок Пеструшки — парного по кружке.

Озёрский, ухватив обеими руками кружку, выпил не отрываясь.

— Молодец! — сказала бабушка. — Кто поспекает за столом, тот на работе первый.

— А он не первый!

— А я не хочу парного, — сказал Коломенский.

— Ишь ты, копуша!.. Ешь что дают! — сказала бабушка.

— Дают — бери, а бьют — беги! — добавил Озёрский. — Яички! Ой, бабушка, яички!

Бабушка, прихватив фартуком, сняла крышку, достала яички и опустила в ковшик с холодной водой.

— Готовы ли? — сказала она, крутнув яичко.

— Готово! — закричал Озёрский. — Раз крутится, значит, сварилось.

— Теперь ешьте, поспешайте, солью посыпайте! — сказала бабушка. — Сейчас за грибами пойдём.

— Я за грибами!

— Нет, я!.. Ты молоко не выпил.

— Нет, выпил! Ба-а, правда выпил?

— Выпил. Пойдёшь!

Натянув длинные штаны и рубахи, чтоб не кусали комары, Славики отправились с бабушкой за грибами.

Лес начинался прямо за домом. Как только свернули за огороды, Коломенский закричал:

— Нашёл, ба-а... нашёл!

— Поганка! — определил Озёрский.

— Шампиньоны, — сказала бабушка. — Едят, но мы их не берём, других хватает.

— И я нашёл, бабушка! Смотри, нашёл! — закричал Озёрский.

— Ого! Счастливчик! Это бялочок-землячок! А вот и я нашла. Лисичка-сестричка! А вот и опять — малые ребята...

— А мне никто не попадается, — сказал Коломенский.

— А ты ходи да приговаривай, — сказала бабушка, — грибок, грибок, высунь лобок, грибок, грибок, высунь лобок! Он и высунет.

— Высунул, ба-а, высунул! У-у-у... сколько!

На краю солнечной полянки вокруг молодого дубка пасся целый табунок крепышей бяляков.

— Припекло! — сказала бабушка. — Беляки любят на солнышке погреться.

Когда собрали весь «табунок», бабушкина махотка была полна.

— Хватит! Пусть других одарят, а мы чистить да жарить! — сказала бабушка и повернула домой.

Дома разместились на крылечке и принялись помогать бабушке мыть и чистить грибы.

У ворот, грузно прыгая, паслась стреноженная лошадь.

— Ба-а, а лошадка копытцами бодается? — спросил Коломенский.

— Сам ты бодаешься! — засмеялся Озёрский. — Лягается! Попробуй дёрни за хвост!

— Ну тебя! Пойдём лучше в коровину избу.

— В хлев! — поправила бабушка.

Озёрский, поднявшись с крылечка, бросил в петуха палку.

— Ба-а... он петуха гоняет!

— Я те погоняю, я те погоняю!

— Ябеда, пойдём лучше за сарай, — сказал Озёрский. — Там ход подземный, а в нём такие палочки... Я с сеновала видел... — Он свернул за угол и остановился. — Вон там!

Недалеко в густой высокой крапиве и правда чернело отверстие. Пещера! Они вооружились палками и, кося крапиву, пошли на штурм. Из крапивы с кудахтаньем выскочила курица и, прыгая на одной ноге, убежала в сарай.

— Ломоножка! Смотри, ломоножка! — закричал Озёрский.

— А где подземный ход?

— Нет подземного хода... Тут мусор.

— Ой, смотри, яйца! Много яичек!

Они удивлённо заглядывали в яму, на дне которой лежало десятка полтора яиц.

— А я знаю! — сказал Озёрский. — Это и есть гнездо ломоножки. Бежим к бабушке!

— Бежим!

Прыгая через крапиву, они припустили домой.

— Постой! — сказал вдруг Славик Коломенский останавливаясь. — Давай лучше бабушке про яички не скажем...

— Сами съедим?

— Да нет, что мы — обжоры!.. Сейчас не скажем... Потом скажем... В день рождения...

— Правда, давай! Подарим! — обрадовался Озёрский.

Через минуту они были на кухне:

— Ба-а, а сколько осталось до твоего рождения?

— А вот считайте! Нынче четверг, потом пятница, после суббота и воскресенье.

— Четверг, пятница, суббота, воскресенье! — повторил Коломенский, отгибая на руке пальцы. — У-у-у, сколько много! Ба-а, а мой папка что тебе подарит?

— А мой что? — спросил Озёрский.

— Что сердце подскажет, то и подарят. Дарёному коню в зубы не смотрят.

- Ба-а, а мы что тебе подарим?
- Да где уж тут угадать! — улыбнулась бабушка.
- Сказать?
- Я те скажу! — погрозил Озёрский.

Через минуту они снова были у гнезда.

Но на этот раз ломоножка не улетела, а осталась сидеть, испуганно посматривая на незваных гостей.

— Не подходи! — сказал Озёрский. — Она ещё хочет нам снести яичко.

— А она каждый день несётся? — спросил Коломенский.

— Конечно, каждый!

— У-у-у, сколько снесёт: четверг, пятница, суббота, воскресенье — четыре яичка!

* * *

Трудно было ждать бабушкиного рождения, но Славики терпели. Они каждый день по нескольку раз бегали к ломоножке и считали дни: «Пятница, суббота, воскресенье... Суббота, воскресенье».

И вот — воскресенье!

Первым на бабушкино рождение приехал папа Озёрский. Он спрыгнул с велосипеда, подошёл к бабушке, поцеловал её и, развернув бумажный свёрток, накинул ей на плечи большую пуховую шаль. Потом подкатил «Москвич». Остановив во дворе машину, папа Коломенский вышел с большой картонной коробкой. Торт!

— Сейчас и мы бабушке подарим! — сказал Славик Озёрский и, схватив с крылечка корзину, побежал за сарай.

За ним кинулся Коломенский:

— Сейчас!

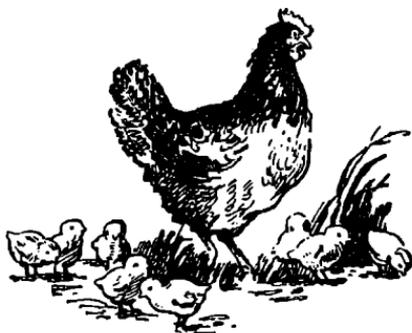
Через минуту они вышли с пустыми руками.

— Нету! — сказал Озёрский. — И ломоножки нету и яичек...

— Ой, смотрите, смотрите! — закричал вдруг на весь двор Коломенский и бросился к воротам.

Из подворотни показалась нахохлившаяся ломоножка и с ней целая стайка маленьких жёлтеньких цыплят.

— Нашлись яички! — весело засмеялась бабушка. — Вот это подарок так подарок! Спасибо, внуки, спасибо!

АЛЁНКА

Однажды вечером к Алёнке в деревню вместе с тётей Полей приехал двоюродный брат Власик.

Алёнка давно хотела, чтобы у неё был такой маленький братик, и поэтому очень обрадовалась.

Когда Власика ввели в избу, он сразу подбежал к самовару.

— Это кто? — спросил он.

— Это самовар! — сказала Алёнка. — Из него чай пьют! — Она открыла кран и налила из самовара полную чашку кипятку.

Власику тоже захотелось налить кипятку. Он дотронулся до крана и обжёг себе руку.

Алёнка подула ему на пальцы, погрозила кулаком пузатому самовару, и Власик засмеялся.

— А это печка! — показала Алёнка. — В ней мама пироги печёт. — Алёнка открыла заслонку, взяла ро-

гатый ухват и вытащила из печки горячий горшок. — И обед варит. Это каша.

Власик хотел пощупать горшок, но побоялся.

Весь вечер Алёнка не отходила от брата, играла с ним, рассказывала сказки, а когда мама и тётя Поля сговорились завтра пойти в лес за малиной, она охотно согласилась остаться с Власиком.

Мама рассказала ей с вечера всё, что нужно было сделать, но утром Алёнка проснулась и ничего не могла вспомнить. Вчера помнила, а сегодня всё из головы вылетело.

Алёнка испугалась, залезла под одеяло и стала вспоминать. Вспоминала, вспоминала — и вдруг всё вспомнила.

— Сначала покормить Власика, — зашептала она, — потом кур, потом пополоскать бельё, потом посмотреть за Власиком... Вспомнила, всё вспомнила! — захлопала Алёнка в ладоши и живо соскочила с постели.

Тут и проснулся Власик. Алёнка схватила его в охапку, поставила на стул и стала одевать. Надела рубашку, а воротник с пуговками очутился на спине, как у Алёнкиного платья.

Вот, и вот, и вот, и вот,
Вышло задом наперёд!.. —

запела Алёнка и стала стаскивать с Власика рубашку, а Власик взял и пощекотал её. Алёнка шлёпнула его по рукам и засмеялась.

В избу вошла Алёнкина подружка Зоя с плетёной корзинкой в руках и сразу подбежала к Власику:

— Ой, какой хороший! Он чей?

— Наш! — сказала Алёнка. — Он теперь мой братик-пузатик.

Алёнка снова потянула с Власика рубашку, а он

вырвался и побежал по комнате. Алёнка с Зоей поймали его, одели и посадили за стол завтракать.

Зоя отошла от стола и сказала:

— А я за ягодами! Пойдёшь?

— Пойдём! — обрадовалась Алёнка. — Только мне кур покормить надо да бельё пополоскать, — я быстро.

Но Зоя ждать не согласилась и побежала за другими подружками.

— Мы за тобой потом зайдём! — крикнула она с улицы.

Алёнка скорее налила Власику супу и стала его кормить. Власик закутил головой, заболтал ногами, ничего не ел и совсем не хотел брать ложку.

Алёнка уговаривала, уговаривала его, а когда Власик нечаянно зазевался, сунула ему в рот ложку с супом.

Власик сжал губы и суп не проглотил.

— Противный! — топнула на него Алёнка. — Ешь, тебе говорят!

Но противный Власик никак не хотел проглотить суп и сидел с раздутыми щеками.

Алёнка сбегала на кухню, принесла новую тарелку, на которой была нарисована какая-то картинка, и поставила на стол. Власик потянулся к картинке.

Алёнка взяла и налила в тарелку супу:

— Скушай суп, тогда узнаешь, что нарисовано на дне тарелки!

И Власик взял ложку. Он кушал и всё время заглядывал в тарелку, но картинка чуть покажется и опять зальётся супом. Зато, когда Власик съел весь суп, он увидел на дне тарелки двух больших слонов. Слоны стояли под пальмой и поливали друг друга из хоботов водой.

Алѐнка похвалила Власика за то, что он хорошо ел, и повела с собой кормить кур.

— Цып, цып, цып! — пронзительно закричала Алѐнка и прямо с крыльца стала разбрасывать мочѐный хлеб.

К ней со всех сторон сбежались куры.

Власик от радости затопал ногами и тоже стал бросать хлеб.

— Гули, гули, гули!

— Это куры, Власик! — сказала Алѐнка. — У вас в городе голуби, а это куры.

За курами прибежали гусята.

— Тега! Тега! — закричала Алѐнка, выбросила остатки хлеба гусятам и побежала в избу за бельѐм.

Власик остался один.

Гусята ели дружно и не жадничали, а куры всё время бегали по двору и отбирали друг у друга куски.

А два петушка встретились на дорожке и начали драться.

— Тетушок! Тетушок! — закричал Власик и побежал за петушками.

Петушки забежали в крапиву, и Власик — за ними.

Алѐнка вернулась, вывела Власика на дорожку и повела на пруд полоскать бельѐ. Пруд был в конце двора.

По дороге ветер сорвал с Власика панаму и покати́л прямо в воду.

Алѐнка догнала её, надела на Власика. А Власик взял и бросил панаму сам. Панама покати́лась, Власик побежал за ней и прямо в сандалиях влетел в воду.

Алѐнка испуганно схватила его за руку и вытащи́ла на берег.

— Противный какой! Нельзя в воду! Утопнешь! — Она выложила на мостки бельё, зачерпнула в тазик воды и поставила его Власику подальше от берега.

Власик чуть-чуть побрызгался, взял тазик обеими руками и опрокинул себе на голову.

— Ох ты, горе ты моё! — рассердилась Алёнка. — Сейчас Зойка придёт, а он не даёт полоскаться! На вот, поддержи! — Алёнка дала ему в руки полотенце, а сама стала полоскать бельё.

Власик стоял на месте, никуда не бежал и ждал, когда Алёнка заберёт полотенце.

А Алёнка забрала полотенце и дала ему платок — приходилось стоять.

Когда всё бельё было выполоскано, прибежала Зоя с подружками.

Алёнка быстро отнесла бельё домой и выбежала на улицу.

— Ой, девочки, мне же никак нельзя, у меня Власик.

— А ты его спать уложи, — сказала Зоя.

— Рано спать, мамка заругает!

— Ну тогда сиди дома, мы сами пойдём! — Зоя повернулась, и девочки пошли за ней.

Алёнка посмотрела им вслед, и ей ещё пуще прежнего захотелось пойти.

— Вы тихонько идите, я догоню!

Алёнка торопливо отвела Власика домой, уложила его в постель:

— Спи, Власик, спи! Алёнка сейчас придёт.

Но не успела Алёнка выйти из избы, как Власик вскочил с постели и побежал за ней.

Алёнка вернулась, отшлёпала его, снова уложила в постель и сама прилегла с ним на краешек.

Власику захотелось поиграть с Алёнкой, и он

опять стал её щекотать, но Алёнка больно шлёпнула его по руке:

— Спи! Глаза закроешь, сказку расскажу.

Власик изо всей силы зажмурил глаза и приготовился слушать сказку.

— Жили-были два гуся, вот и сказка **вся**, — сказала Алёнка, вскочила и выбежала в сени.

К дверям подбежал Власик и закричал:

— Акый! Акый!

Алёнка открыла двери и вытолкнула его на крыльцо:

— Играй здесь, противный! Насыпай песок в моё ведёрко, а я тебе сейчас совочек принесу... Никуда не ходи! — Алёнка забежала за угол, немножко постояла и выглянула.

Власик насыпал в ведёрко песок, осмотрелся и побежал к пруду.

— Ах ты, непутёвый! — крикнула Алёнка и поймала Власика у самой воды. — Ну что мне с тобой делать! На минутку не оставишь! Других мальчишек оставляют, а тебя нельзя! Не ходи к воде, опять утопишь. Забыл, как утоп?

Алёнка отвела его к крыльцу и снова посадила в песок. С дороги доносились весёлые голоса подружек.

И зачем она только осталась с этим противным Власиком!.. Сиди теперь дома... Алёнке стало обидно и захотелось плакать. Но вдруг она повеселела, взяла Власика за руку, подвела к плетню и поставила в густую высокую крапиву.

— Стой! А то укусит!

Власик стоял. Он боялся шевельнуться: кругом росла злая, колючая крапива.

— Я тебе сейчас петушка поймаю! — сказала

Алѐнка, выскочила из крапивы и побежала за подружками.

Догнала она их, когда те уже подошли к лесу и начали собирать ягоды.

Алѐнка сорвала ягодку, положила в рот и, вдруг вспомнив о Власике, побежала домой.

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

В деревне все ребята ещё спали, а Тимка и Колька уже побежали на речку. Тимка и Колька всегда вместе пойдёт Тимка в лес за ягодами — зовёт с собой Кольку. Отправится Колька в магазин за леденцами — бежит за Тимкой. Жить друг без друга не могли!

Они даже и похожи были друг на друга: у Тимки серые глаза и у Кольки — серые; у Тимки волосы от солнца белые, как лён, и у Кольки — белые; Тимке в речке «с ручками» и Кольке — «с ручками». И бегали они одинаково: Тимка не мог обогнать Кольку, а Колька не мог обогнать Тимку. Словом, Колька и Тимка — неразлучные друзья.

Когда они прибежали к речке, на берегу не было ни души. Только носатая гусыня соседки тёти Маши ходила и щипала траву. А неподалёку от неё кучкой

лежали гусята. Крайним гусятам было холодно, и они прямо по головам лезли в середину. А те, которых выталкивали, поднимались и тоже карабкались в середину.

Но холодно было только гусятам, Тимке и Кольке — жарко.

Колька на ходу отстегнул лямки, снял штаны и, подскочив к берегу, пощупал ногой воду.

— Ух ты! — отдёргнул он ногу. — Тёплая!

Тимка тоже разделся, вошёл в речку и, отчаянно стуча зубами, сел.

— И п-правда, т-тёплая...

— Нет, а я не так. Посмотри, я сейчас с горки! — сказал Колька.

Он отошёл назад, разбежался и шлёпнулся животом об воду. Вскочив на ноги, Колька задом наперёд вышел на берег, чтоб Тимка не видел его покрасневший живот, и, приложив к уху ладошку, запрыгал на одной ноге:

Мышка, мышка, вылей воду
На дубовую колоду!..

Потом Колька подошёл к Тимке и сел рядом с ним по пояс в воду.

— А где наши ноги?

— Нет ног!

Они оба начали болтать ногами.

— А я с бородой! — сказал Колька. Он достал со дна целую горсть синей глины и вымазал себе подбородок.

— И я с бородой и с усами! — сказал Тимка и запел:

Сами с усами,
С бородой, с усами!..

— А что я нашёл, смотри! — Колька показал Тимке ракушку.

— Чур, на двоих! — крикнул Тимка и забрал у Кольки ракушку.

Колька отполз подальше и, вытянув шею, чтобы не наглотаться воды, стал опять шарить руками по дну.

— А я ещё нашёл! Во! — Он вытащил из воды стекляшку, глянул в неё и замер: кругом всё было красное! И лес на той стороне речки красный, и гусята красные, и небо красное.

Колька, не помня себя от радости, выскочил на берег и стал кругом всё смотреть.

— Тимка, вся деревня красная! И наш дом красный, и ваш красный!

Тимка тоже выскочил из воды и, подбежав к Кольке, протянул руку к стекляшке. Но Колька отвернулся от него. Тимка опять забежал. Колька опять отвернулся.

— Дай! — попросил Тимка.

Но Колька ещё сам не насмотрелся. Он навёл стекляшку на белое облако, и облако стало красным. Убрал — белое, навёл — красное. Белое — красное, белое — красное. Как в кино! Ух ты!

Такой стекляшки у Кольки ещё никогда не было.

— Дай хоть одним глазком глянуть! — снова затащил своё Тимка.

Колька ещё раз посмотрел на облако, на свой дом, на гусят и, не выпуская из рук стекляшки, поднёс её к Тимкиным глазам.

Тимка чуть глянул и хотел вырвать стекляшку, но Колька вовремя отдернул руку.

— И не давай, не давай! Смотри теперь один! — обиделся Тимка и побежал в деревню.

— Тим! Тим! — закричал Колька и, догнав Тимку, отдал стекляшку.

Тимка, не отнимая стекляшки от глаз, долго смотрел во все стороны, так долго, что Кольке снова захотелось посмотреть в свою стекляшку, и он сказал:

— Хватит, давай назад!

Но Тимка отскочил от него и спрятал руки за спину:

— А вот и не отдам! Не отдам! Что в руки берётся, назад не отдаётся! — Он повернулся и хотел бежать, но Колька вовремя схватил его за руку, и они кубарем покатались по траве.

— Отдай стекляшку! — крикнул Колька, очутившись верхом на Тимке.

— Не отдам!

— Отдай!

— Нет, не отдам!.. На! — Тимка разжал кулак и бросил стекляшку в траву.

Колька кинулся за ней, но, только нагнулся, — откуда ни возьмись, гусыня.

Колька отступил. Он знал эту гусыню: эва носиле-то какой! А шишак на лбу! Позавчера она Нюрку-соседку так отщипала, что Нюрка по сей день сидеть не может.

— Теперь давай стекляшку... Всё равно давай! — сказал Колька.

— Бери! — засмеялся Тимка. — Возьмёшь — твоя будет!

Колька, чувствуя, что его стекляшка пропадает ни за грош, стал подкрадываться. Шагнёт — и постоит, шагнёт — и постоит. Сам одним глазом на гусыню косит, а другим — на стекляшку. Только подкрался, протянул руку, а гусыня как зашипит, крылья как распушит — и на него!

Колька — бежать. Гусыня догнала его да как хватанёт за ногу!

— Ма-ма! — во всё горло заорал Колька и припустил ещё быстрее.

Когда Колька скрылся за поворотом, Тимка взял палку, прогнал гусыню и забрал стекляшку.

ПОДАРОК

Таня проснулась, когда ещё все девочки спали. Она встала и подошла к окну. Со двора тянуло ароматным лесным настоем. За частыми, словно к празднику побелёнными стволами берёз, на клубной веранде лагеря пестрели разноцветные стенгазеты, вывешенные к приезду родителей. Под окном, на усыпанной жёлтым песком дорожке, бегала трясогузка. Не переставая покачивать своим длинным хвостом, она то приостанавливалась, то мелко перебирая лапками, сновала из стороны в сторону, хватая на лету мошек, которых Таня даже не могла рассмотреть.

К даче с большой стопкой постельного белья подо-

шла техничка Ольга Ивановна, худенькая, небольшого роста женщина. Трясогузка отбежала и, видимо не испытывая страха перед знакомой фигурой уборщицы, продолжала своё дело.

Ольга Ивановна, придерживая подбородком бельё, поднялась на крыльцо и долго не могла нащупать дверную ручку. Таня побежала на помощь.

Тане всегда хочется помочь Ольге Ивановне, потому что они с ней большие друзья. Тётя Оля ласковая, хорошая, с ней всегда обо всём можно поговорить — как с мамой.

— Давайте я вам помогу, Ольга Иваночка! — Таня открыла дверь и забрала половину белья. — Знаете, Ольга Иваночка, — Таня сама придумала это имя, — а сегодня мама приедет!.. Хотите, я вам её покажу?

Ольга Ивановна положила на тумбочку бельё:

— Покажи, какая у тебя такая особенная мама...

Она и в самом деле была бы не прочь познакомиться с Таниной мамой. Уж очень часто эта востроглазая шупленькая девчонка заводила разговор о своей маме.

Вот уже две недели, как Таня в лагере, но, куда бы она ни шла, что бы ни делала, мама всегда с ней. «А меня мама уже научила», — показывала она девочкам, как вышивают болгарским крестом. «А я умею стёкла мыть, я маме помогала», — говорила Таня, протирая с Ольгой Ивановной в спальне окна. Словом, «мама» не сходила с Таниного языка.

Приходит отряд с прогулки, Таня несёт корзину грибов:

— Ольга Иваночка, можно у вас посушить? Это я маме...

И, конечно, Ольга Ивановна сушила. Грибов теперь у Тани целая связка. А про орехи так она по

нескольку раз в день справлялась: «Не успели? Нельзя ли их уже рвать?»

Очень интересно было познакомиться с Таниной мамой.

— Как вы думаете, Ольга Ивановка, когда придет мама: к завтраку или к обеду?

— Не знаю, Таня. Похоже, что к завтраку не успеют. Лагерь-то наш, сама знаешь, вон какая даль...

— А по-моему, всё равно к завтраку!

Зажмурившись, Таня нацелила друг на друга указательные пальцы, покрутила ими, развела и стала соединять. Пальцы коснулись друг друга.

— К завтраку! К завтраку! — громко закричала она.

— Таня, это ты? — услышался чей-то голос. — А я скажу, ты всех будишь.

— Да ну тебя, Лиза-подлиза, — сказала Таня. — Вечно ты ябедничаешь!

— Что — вечно? — высунулась в дверь краснощёкая толстушка Лиза Душечкина. — Тебе одной можно не спать, да, одной?.. Тётя Оля, давайте я вам тоже помогу бельё разносить. — Она подошла к Ольге Ивановне, забрала с тумбочки стопку простыней и унесла в свою комнату.

После подъёма девочки особенно старательно убрали спальни. Они тщательно заправляли кровати, навели образцовый порядок в тумбочках, поставили на подоконники цветы.

Все ждали родителей.

Таня принесла от Ольги Ивановны грибы, хорошо упаковала их. Затем, выждав момент, когда из пионерской комнаты все ушли, она осторожно наклонилась к гипсовый бюст Чкалова и вытащила из-под него объёмистый свёрток с конфетами.

Примостившись в укромном уголке в коридоре под лестницей, Таня стала перекладывать конфеты в коробку. Осторожность здесь необходима: вожатые не любят, когда кто-нибудь полученные к чаю конфеты не ест в столовой, а уносит с собой.

Тут были и шоколадные, и тянучки, и леденцы — в красных, жёлтых и полосатых бумажках. И у всех конфет был довольно сомнительный вид: на одних бумажки потёрты до дыр — эти Таня долго носила в кармане; другие были расплющены и больше напоминали лепёшки — эти конфеты побывали под матрасом. Но, как бы то ни было, Тане есть чем угостить маму.

По ступенькам кто-то пробежал. Таня перестала дышать, притаилась и вдруг неожиданно для себя громко чихнула. Шаги затихли, и под лестницу заглянула Лиза Душечкина:

— А... А что ты тут делаешь? Ваш отряд дорожки подметает, а ты?

Таня, застигнутая врасплох, прикрыла конфеты рукой. Но Лиза заметила это и подошла поближе.

— А я про тебя не сказала, что ты утром не спала...

— Подумаешь, и говорила бы!

— Хочешь, я тебе мешочек дам... Хороший!

Лиза смотрела на конфеты с явно повышенным интересом.

— Не надо мне мешочка. На вот тебе! — И Таня протянула ей расплющенную клюквенную конфетку.

— Нет, не давай, я не хочу.

Таня сменила клюквенную на «Раковую шейку», и Лиза не устояла, взяла. «Раковую шейку» она уничтожила в один миг, но уходить не собиралась.

Таня поняла, что её конфетам угрожает опасность. Надо было сделать так, чтобы Лиза ушла.

— Ты не видела, наверное, уже мамы приехали? — спросила Таня.

— Нет, что ты, не приехали!

— Да ты же во дворе не была. Сходи!

— А я и так знаю — не приехали.

Лиза получила ещё одну конфету и только тогда согласилась побежать во двор. Но через минуту она вернулась.

— Нет, не приехали... А ты конфеты для кого бережёшь?

— Да так просто, ни для кого...

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы с улицы не донесли голоса девочек: «Приехали! Приехали!»

Таня быстро завернула конфеты и выбежала во двор. Но оказалось, что машина пришла без людей.

Шофёр дядя Коля сказал, что заводской автобус неисправный и родителям ехать не на чем. Зато он привёз всем подарки.

Вожатые рассортировали в кузове машины пакеты, свёртки и разнесли их по отрядам. Таня вместе с другими девочками толкалась около окна, где вожатая Женя раздавала подарки.

В дверях стояла Ольга Ивановна и смотрела, как девочки получали подарки.

Всякий раз, когда Женя брала в руки пакет или свёрток, Таня гадала: «Мне! Вот этот обязательно мне!» Но свёрток отдавали другим. Подарки на подоконнике быстро таяли.

«Вот этот обязательно мне!» — решила Таня, когда вожатая взяла последний подарок.

Но и этот свёрток передали не ей. Больше пакетов не было.

Таня в первую минуту не поняла, что произошло. Закусив губу, чтобы не заплакать, она прошла к своей кровати.

Ольга Ивановна хотела было к ней подойти, но потом остановилась и быстро вышла из комнаты. По лицу её можно было догадаться, что она что-то задумала. Таня боялась оглянуться на девочек и, едва сдерживая слёзы, смотрела в окно. Девочки, увлечённые письмами и гостинцами, сначала не обращали внимания на Таню. Но потом Таня почувствовала, как за её спиной сразу все замолчали.

В эту минуту любая девочка не задумываясь отдала бы ей свой подарок, но разве Таня возьмёт? Стоит ей предложить хоть одну конфетку, она сейчас же расплачется. В комнате наступило тяжёлое молчание.

Вдруг с шумом отворилась дверь, и в спальню вместе с Ольгой Ивановной вошли пионерки соседнего отряда.

— Девочки, у вас Таня Смирнова есть? — спросили они. — А то в наш отряд её посылка попала.

— Есть! — закричали девочки.

У всех отлегло от сердца. Таня, смахивая рукой слёзы и смущённо отворачиваясь от подруг, распаковывала пакет.

В пакете были и яблоки, и большой золотистый апельсин, и «Мишки», а письма от мамы не было. Таня растерянно посмотрела на девочек.

— Ну что ты, чудачка какая! — подошла к ней Ольга Ивановна. — Может, твоя мама прямо на работе посылку собирала, автобус отходил, вот и не успела написать.

— Правильно! На работе! — дружно подтвердили девочки.

Таня успокоилась и, не скрывая радости, начала угощать подруг.

Вечером она завернула в толстую синюю бумагу грибы, коробку с конфетами и написала на пакете: «На завод, мастеру по вязальным машинам Смирновой (маме)».

В подарок она положила письмо: «Здравствуй, дорогая мамочка! Мама, как ты живёшь, а я скучаю. За подарок спасибо, мамочка. Мама, нас кормят хорошо, было кино. Мама, у нас в отряде девочки хорошие и тётя Оля тоже хорошая. Мам, помнишь, ты хотела купить мне платье, не надо мне никакого платья. Есть у меня старые — и хватит. Больше кушай и поправляйся хорошенько. Мама, посылаю тебе грибы и конфеты. Тётя Оля сказала, что завтра можно идти за орехами. Наберу тебе много-много орехов. Целую тебя, дорогая мамуля.

Таня».

Перевязав шпагатом свёрток, Таня отнесла подарок в машину, дяде Коле.

Утром девочки собрались за орехами.

У Тани не нашлось никакой сумочки, и она, вспомнив, что вчера ей Лиза предлагала мешочек, подбежала к ней.

— Не дам я тебе никакого мешочка, — сказала Лиза, — сама пойду за орехами. Я и так тебе вчера апельсин дала.

— Какой апельсин? — удивилась Таня. — Когда?

— А вот тогда... Когда девочки тебе посылку собирали.

Таню словно ударили. Она покраснела, закрыла лицо руками и выбежала в коридор...

Вечером из города приехал начальник лагеря и привёз Тане большой синий пакет — подарок от мамы. Мама писала, что она только сегодня вернулась из командировки.

ВОВКИН САМОКАТ

С тех пор как Вовкина сестра Люся стала учиться в первом классе, дела у Вовки пошли неважно.

Делали они с папой самокат и уже совсем было доделали, а теперь всё остановилось...

Пришла Люська в первый день из школы и сразу заставила папу работать:

— Папа, учительница велела принести десять палочек-считалочек.

Отложил папа Вовкин самокат и начал мастерить палочки. А на другой день по приказу Люськи папа делал указку. Она и маме никакого покоя не давала.

Сшила ей как-то мама кассы-кармашки для азбуки, а Люська говорит:

— Нет, не так! Учительница велела, чтобы все кармашки были одинаковые, а у тебя, мама, один узкий...

Нечего было и думать, чтобы Люську отправить в школу с узким кармашком, — пришлось «кассы» перешивать.

Из-за Люськи и Вовке житья в доме не стало: громко разговаривать нельзя, молотком стучать нельзя, приятелей приводить нельзя...

В общем, всем она голову закружила, а сама и учиться не умеет. Когда папа с ней сидит, она ещё учится, а как уйдёт — сразу за куклы. Проходили в классе буквы — Люська кое-что знала, каждый день на одну букву умнела; а как начали читать — села на мель. «Ма-ма», «па-па» у неё выходит, а попался «мак» — и не вышло.

Как-то Вовка с папой приделывали к самокату второе колесо и услышали, как Люська читает:

— Ма-а... ка-а... — И получилось у неё смешное, непонятное слово: «Мака!»

Папа отложил самокат и подошёл к Люське:

— Ну-ка, прочитай ещё раз.

Люська сразу притихла и еле-еле прошептала:

— Ма-ка...

— Ну как же ты так? — сказал папа. — Нужно называть сразу все три буквы: мак!

— Мак! — обрадовалась Люська.

Но на следующем слове опять споткнулась:

— Ко-о... тэ-э...

— Да не «котэ», а кот! — сердито сказал папа.

Вовка тоже рассердился: к самокату осталось приделать всего только одно колесо и всё готово, а папа опять с Люськой занялся.

— «Котэ! Котэ!» — передразнил Вовка Люсю, но тут же замолчал и стал слушать, что будет дальше...

А дальше ничего не было, Люське повезло: следующее слово она прочитала правильно.

— Дуб! — вырвалось у неё. — Дуб! Дуб! —

Люська запрыгала и сразу вскарабкалась папе на плечи.

Папа закрутил руками, начал притопывать, запыхтел и превратился в паровоз.

Люська закривлялась и запела: «Баровоз! Баровоз! Дай схвачу тебя за нос!» — и хотела схватить, но «паровоз» крутнул головой и на всех парах начал носиться из комнаты в комнату, пока из кухни не пришла мама и не закрыла семафор.

А Люська взяла и сделала папу доктором. Она надела на него мамин больничный халат, дала в руки «докторский» чемоданчик — мамину сумку — и повела к больной матрёшке.

— Тут болит! — запищала Люська матрёшкиным голосом. — Тут колет!..

— А тут не колет? — крикнул доктор и начал щекотать Люську.

Вовка не выдержал, подбежал и тоже стал щекотать.

Люська брыкалась, царапалась, а спастись не могла. Спаслась, когда мама начала щекотать и Вовку и доктора.

Люська вырвалась и убежала вместе с мамой.

Вовка обрадовался: теперь-то уж они с папой доделают самокат! Но не тут-то было! Папа снял «докторский» халат, позвал Люську и снова стал с ней читать. Эта Люська отдохнуть даже не даст! Вовка показал ей язык и отвернулся к окну.

Во дворе мальчишки катались на самокатах. Эх! Вовка бы на своём прокатился так прокатился! Через весь бы двор! Или ещё лучше — на ту сторону улицы! Проехать и ещё разок посмотреть в новом магазине покупные самокаты! Только через улицу Вовке не разрешают: машин много. Маленький, говорят, — всего только шесть лет. А Вовка всё равно

сегодня сбегал туда и посмотрел самокат. Стоял он там, стоял и вдруг видит — Люська на матрёшек глязет. Вовка в сторону и убежал...

Вовка отошёл от окна и задвинул самокат под кровать. Когда же всё-таки самокат будет готов?..

Папа часто возвращался с работы, когда Вовка уже спал, а если приходил рано, то сразу смотрел у Люськи тетрадки и садился с ней учить уроки.

Вовке очень хотелось, чтобы папа из-за чего-нибудь рассердился на Люську и перестал с ней заниматься. Но он никак не сердился: хитрая Люська никак не попадалась ни папе, ни маме со своими проделками.

А вот Вовке однажды попало!

Поднимается как-то он вечером домой по лестнице и видит: стоит Люська и пишет на стенке мелом.

— Ага! Попалась! — обрадовался Вовка.

Люська вздрогнула, а потом протянула Вовке мел:

— На!.. Хочешь, научу?..

Не знает Вовка, как это могло случиться, но мел оказался у него в руке, и Люська стала водить его руку по стенке.

На стенке получилась настоящая буква.

Вовка никогда не думал, что он может писать, и, оттолкнув Люську, написал такую же букву сам.

— Пиши, Вова, пиши! — ласково сказала Люська.

Вовка ещё бы писал, да внизу кто-то хлопнул дверью, и они с Люськой убежали домой.

Только успели они раздеться, за дверью послышались папины шаги. Люська сразу села за уроки, а Вовка вытащил из-под кровати самокат.

Папа вошёл и, не раздеваясь, заглянул в комнату.

— Кто писал на стенке? — строго спросил он.

— Люська! — сказал Вовка.

— И Вовка писал! Писал! Писал! — закричала Люська. — Вон у него и руки в мелу!

Вовка хотел спрятать руки за спину, но папа уже увидел на его пальцах мел и послал на лестницу стирать буквы со стенки.

Писали двое, а стирать пришлось Вовке одному.

Вернулся Вовка сердитый, но сразу повеселел: папа приделывал к самокату руль. Сегодня самокат Вовке обязательно надо доделать! Завтра мальчишки сговорились устроить перегонки, и Вовке без самоката никак нельзя.

Но не успел папа приделать руль, взял и спросил Люську:

— Ну-ка, покажи, как ты сделала уроки?

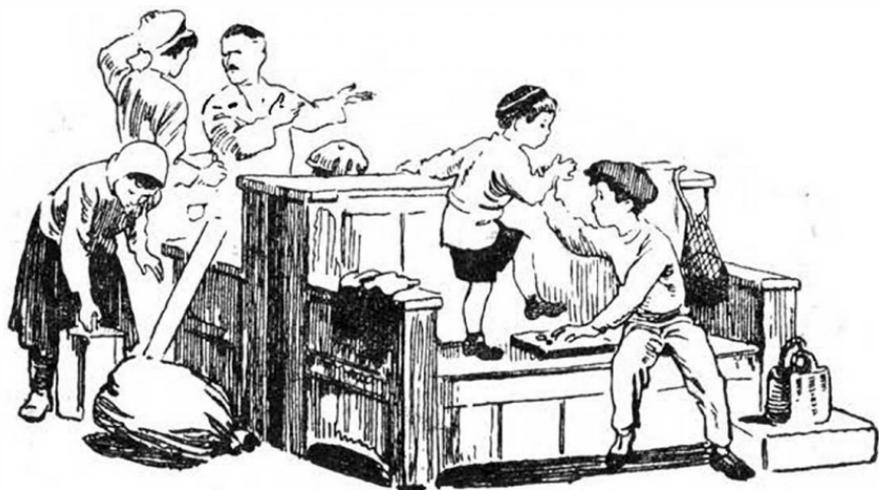
— А она не сделала, — сказал Вовка. — В магазин бегала, матрёшек смотрела!

— В какой магазин?

— В новый, через улицу, я сам видел!

— А ты как туда попал? — сердито сказал папа и, бросив недоделанный самокат, сел с Люськой учить уроки.

СТАКАН КОФЕ

Ваня, Долик и мама ехали отдыхать в деревню. Ехали долго — ночь, день, ещё ночь и на другое утро приехали на большую станцию, где предстояло пересесть на «кукушку» и уж на ней «докуковать» до самой бабушкиной деревни.

Пробиваясь в толпе пассажиров, мама провела их в зал ожидания, усадила на большую дубовую скамейку и, строго-настроено наказав Ване следить за братом, ушла за билетами.

Ваня и без того знал, что за Доликом только следы и следы: за дорогу он ему просто «вымотал все нервы».

Зал ожидания был большой, с высокими потолками, окнами, в которых горели разноцветные стёкла.

Ряды дубовых скамеек уходили далеко вперёд, теряясь в густой толпе пассажиров, которые бегали

с места на место с чемоданами, с узлами, а то и просто так — налегке.

На соседней скамейке сидел старик в поношенном костюме и читал газету. Вещей у него не было, если не считать небольшого узелка.

У стены, возле зеркала, расположился огромный, залитый светом буфет — с печеньем, конфетами, мандаринами...

— Схожу! — сказал Долик и направился к буфету.

— Я те схожу! — рывком усадил его Ваня.

Долик не обиделся.

— А тебя могут в буфетчики принять? — спросил он.

— Конечно, могут!

— А меня?

— А тебя нет. Ты всё съешь!

— Ну тогда ты примись в буфетчики, а я покупать буду.

— Не болтай! Маленький, что ли? — рассердился Ваня.

— Ну да, маленький. В первый класс и то даже не хожу.

Долик спрыгнул с места и подбежал к зеркалу. Из зеркала на него уставился черноглазый мальчишка, с красными, как помидоры, щеками и вздёрнутым носом.

Долик погрозил черноглазому кулаком, и черноглазый — кулаком. Показал язык, и черноглазый — язык.

Долик уткнулся лбом в зеркало и начал бодаться с черноглазым. Потом прицелился и плюнул ему прямо в лицо.

— До-о-лик! — закричал Ваня и, с опаской оглянувшись на старика, вытер рукавом зеркало. — Марш

на место! Давай лучше сыграем в шашки! — Он достал из чемодана шахматную доску и, положив на скамейку, расставил шашки. — Ходи!

Долик вскочил ногами на скамейку, ступил на доску и пошёл, сбивая шашки.

— Дурак! — рассердился Ваня.

— Сам ты дурак! Говоришь — ходи, вот я и пошёл. — Долик спрыгнул на пол и опять побежал к буфету.

Но Ваня успел схватить его за руку.

— Стой!

— Нет, пойду, всё равно пойду! — закричал Долик на весь зал.

— Ах ты, козёл-стрекозёл! — сказал вдруг дед с соседней скамейки, который давно присматривался к братьям.

Долик с любопытством уставился на него.

— Это кто козёл-стрекозёл? — спросил он. — Ваня?

— Нет, ты! — И дед, сделав «рога», пошёл на Долика.

— Не боюсь, не боюсь! — закричал Долик, прячась за брата.

— Куда же ты едешь? — полюбопытствовал дед.

— К бабушке в деревню. А ты куда?

Ваня щёлкнул брата по макушке:

— Разве можно со старшими на «ты»?

— А ему можно?

— А ну поди сюда! — позвал Долика дед. — Слушай, расскажу сказку.

Долик придвинулся и насторожился.

То ли в сказке,
То ли в были
Дед да баба
Жили-были...

— Э... такую не надо! Знаю! — сказал Долик. — Мне бы про лунную ракету...

— Ишь ты! — усмехнулся дед. — Я такую ещё не сочинил... А давай-ка я тебя лучше попытаю. Сколько у тебя ушей?

— Одно ухо.

— А это что? — показал дед на свой нос.

— Колбаса!

— Долик! — крикнул Ваня.

— Тебя, брат, не перешибёшь, — сказал дед.

— Вы лучше с ним не связывайтесь, — посоветовал Ваня. — Это уж такой человек...

— А я есть хочу! — заявил Долик. — Давай хлеба!

Ваня достал из чемодана хлеб, яички, насыпал на бумажку соли, и они принялись за еду.

Старик косо посмотрел на них и, поднявшись, направился к буфету. У буфета он долго разглядывал витрину, шарил по карманам, купил стакан кофе и вернулся. Отхлебнув глоток, он поставил кофе на скамейку и снова пошёл к буфету.

Проводив его взглядом, Долик вдруг перестал жевать и озорно забегал глазами.

— Вань, давай ему соли насыпем, а? — прошептал он.

— Не смей! — крикнул Ваня.

Но, прежде чем успел вскочить, Долик схватил с чемодана соль и высыпал её в кофе.

От буфета шёл дед.

Затаив дыхание братья ждали: Ваня — с ужасом, а Долик — с любопытством.

Что-то сейчас будет?

А было вот что. Дед вернулся с чайной ложкой, достал из узелка горбушку хлеба, помешал кофе и отпил...

Долик фыркнул. Ваня зажал ему рот.

Дед на секунду замер, потом высунул язык и зачмокал губами. Неужели выпьет солёное кофе?

Да, и он выпил. Откусывая от горбушки, дед запивал большими глотками кофе, каждый раз подозрительно заглядывая в стакан.

Братья ошеломлённо тарашили на него глаза.

В это время прибежала мама и торопливо стала собирать вещи — к вокзалу уже подавали «ку-кушку».

Ваня и Долик поспешили за ней, так и не посмеяв оглянуться на деда.

МОНТЁР

Борис и Стасик, уставшие и довольные, возвращались со стадиона, где они часа три без передышки гоняли в футбол.

— Попьём? — предложил Борис, остановившись у тележки с газированной водой.

Стасик замялся.

— Что — может быть, денег нет? Ерунда! Я угощаю! — сказал Борис и небрежно бросил на мокрую тарелку монету. — Два, с двойным сиропом!

«Газировка» была холодная и приятно щипала в носу.

— У тебя что — день рождения, что ли? — спросил Стасик.

— Это почему?

— Так... Мне, например, папа в день рождения всегда деньги даёт...

— Ты вон про что! Я и без рождения каждый день при деньгах.

И в доказательство, остановившись у ларька, Борис купил себе и Стасику по порции мороженого.

— Понимаешь, тут одно дельце подвернулось, — пояснил он, облизывая губы. — Раз-два — и денежки!..

Стасик насторожённо уставился на него, перестав лизать стаканчик.

— А не своровал?

— Ты что... того?.. — Борис покрутил палец на лбу. — Я человек честный... Трудовые! Вера Ивановна дала. Заработал, значит.

— Как — заработал? Утюги грел?

— Какие там утюги! У меня тонкая работа — высший разряд. Пошли ко мне — узнаешь!

Они свернули в переулок и направились к одноэтажному деревянному дому, в котором жил Борис.

На повороте их обогнал паренёк с монтерской сумкой через плечо. Борис сразу остановился и схватил Стасика за рукав.

— Ты что?

— Тс-с-с!.. Ша!..

Когда паренёк прошёл, Борис облегчённо вздохнул:

— Пронесло! Ну пошли.

Борис пропустил Стасика в двери и, задержавшись на пороге, прислушался. В прихожей никого не было. Из соседней комнаты доносился голос портнихи Веры Ивановны.

Борис переступил порог и резко хлопнул дверью. Свет в квартире погас. У портнихи загремели стульями.

— Боренька, ты дома? — закричала Вера Ивановна.

Борис схватил Стасика за рукав и потянул в дальний конец тёмного коридора.

— Боренька! — снова закричала портниха.

Борис помолчал, откашлялся и спросил:

— Вы меня, Вера Ивановна?

— Ну конечно! Как хорошо, что ты дома! Опять несчастье. Когда же это кончится! — взмолилась портниха, появившись в коридоре с клеёнчатым сантиметром на шее и горящей свечкой в руках. — Понимаешь, у меня заказчица...

— Сейчас сделаю! Будет порядок! — сказал Борис.

Он притащил откуда-то лестницу, поставил её к стенке и начал проверять пробки.

Портниха отдала свечку Стасику и ушла. Как только за ней захлопнулась дверь, Борис перетащил лестницу к дверям, поднялся и, оттянув наличник, под которым проходили провода, начал копаться.

— Замыкание? — спросил Стасик.

— Тсс!..

Борис поставил наличник на место и перебрался к пробкам. Через минуту свет загорелся.

— Уже готово? — обрадовалась соседка, снова появившись в дверях. — Вот спасибо, Боренька! — Она вытащила из кармана халата рубль и протянула Борису: — Возьми!

Борис замялся, в нерешительности поглядев на Стасика.

— Бери, бери! — приободрила его Вера Ивановна и, сунув ему в руку деньги, ушла к себе.

— Видел? — сказал Борис, небрежно запихивая в карман деньги. — Раз дают — бери! Не отказываться же... Может, пойдём ещё мороженого попробуем?

— По голове тебе «спробовать» за такие дела!

— Но ты, потише! — замахнулся Борис.

Стасик спокойно отвёл его руку:

— Думаешь, не заметил, как ты дверью хлопнул? Жулик несчастный!

— А ты не жулик... не жулик? На чьи деньги мороженое ел? — испуганно заговорил Борис. — На чьи?..

В это время в коридор в сопровождении заказчицы вышла Вера Ивановна.

— Смотри, что сейчас будет! — прошептал Борис, явно желая помириться. — Эта тётка шестой раз заставляет переделывать платье, вот Вера Ивановна и злится, хлопает дверью. Хлопнет, а там оголённые провода: встряхнутся — и замыкающие... Я это случайно заметил.

Проводив гостью, портниха вернулась и действительно сердито хлопнула дверью. В тот же миг под наличником вспыхнул синий огонь, и свет опять погас.

— Видишь, я говорил! — прошептал Борис.

— Ну что за проклятье! Боренька!

— Иду, Вера Ивановна, иду!

Борис загремел в темноте лестницей, и через минуту свет в квартире снова горел. И, только он спрыгнул на пол, на пороге вырос паренёк с брезентовой сумкой.

— Монтёра вызывали? — спросил он.

— Безобразие, по три раза в день гаснет! — набросилась на него Вера Ивановна. — Если бы не мальчик, — она показала на Бориса, — так бы и сидели в темноте.

Монтёр взял лестницу и молча полез к пробкам.

— Кто копался? Ты, что ли? — спросил он Бориса. — Все предохранители покорёжил. Эх, токарь-пекарь!..

Борис молчал. Монтёр, сменив пробки, спрыгнул на пол.

— Здесь всё в порядке, — сказал он. — Теперь проверим проводку... — И, задрав голову, пошёл вдоль стенки, осматривая провода, всё ближе и ближе подходя к наличнику...

Стасик и Борис следили за каждым его движением. Борис кидал умоляющие взгляды на Стасика: «Не выдавай!» Но вот монтёр скользнул глазами по наличнику и пошёл дальше.

— Всё в порядке, гражданочка, — сказал он, — будет гореть!

— Спасибо, милый, вот спасибо! Мы уж на вас надеемся, — сказала Вера Ивановна и протянула деньги.

— Не берём, — отказался парень, — не положено! — И, закинув на плечо сумку, шагнул к выходу.

Стасик толкнул Бориса в спину:

— Говори про наличник! Ну!..

— Дядя, постойте! — неохотно крикнул Борис. — Вот здесь надо немного исправить... — Он подтащил к дверям лестницу и, сдёрнув наличник, показал оголённый провод.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Добрые люди	3
Тыква	10
Мордашка	15
Яблоки	20
Морковка-бестолковка	24
Зовутки	27
Прошка	38
Доча	41
Пузыри	46
Света, Рита и Толик	50
Корова в шкафу	55
Слепой	63
Чудик	69
Роза	75
Белохвостик	79
Бабушкин день рождения	84
Алёнка	92
Неразлучные друзья	99
Подарок	104
Вовкин самокат	112
Стакан кофе	117
Монтёр	122

Для младшего школьного возраста

Зобнин Олег Ксенофонович

ЗОВУТКИ

Ответственный редактор С. Е. Миринский
Художественный редактор Г. Ф. Ордынский
Технический редактор В. И. Мешалкин
Корректоры
Э. Л. Лофенфельд и Т. Ф. Юдичева

Подписано к печати с матриц 28/II 1963 г.
Формат 60×84^{1/16}—8 печ. л.—7,3 усл. печ. л.
(5,12 уч.-изд. л.). Тираж 125 000 экз. ТП 1952
№ 255. Цена 28 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 4428.

